
18+
Лина Шир
Последние страницы моей жизни...

Лина Шир
Последние страницы моей жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71176360
ISBN 9785006439153

Аннотация

Он смертельно болен. Она влюблена. Жизнь не щадит обоих, ведь она влюблена в него… В человека, который старается оградить ее от боли и… от себя. У них есть любовь и тридцать дней, впоследствии ставшие шестью месяцами наполненными не только болью, но и радостными моментами. Рядом с ним она научилась дышать полной грудью. Рядом с ней он научился заново жить. Они знают, чем закончится их любовь, но стараются насладиться друг другом. Пока их сердца бьются в унисон. Пока бьется его сердце.

Содержание

Глава первая: Я снова хочу жить 5
Глава вторая: Моя боль – это только моя боль 32
Глава третья: Хуже не будет 58
Глава четвертая: Дилемма 84
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Последние страницы моей жизни

Лина Шир

Человек бывает мертв задолго до своей смерти.
©Джек Лондон

© Лина Шир, 2024

ISBN 978-5-0064-3915-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая: Я снова хочу жить

Последние несколько дней напоминают мне кошмарный сон. Я не могу никак проснуться. Яркие цвета навсегда померкли. Вокруг сгустилась чернота и мрак. Я умираю… после меня не останется ничего… совсем ничего. Никто не узнает о моей смерти, никто не придет, чтобы отдать почести, никто не будет плакать. И через пять-десять лет никто не вспомнит о том, что именно в этой квартире жил неизвестный писатель – трус и неудачник, который настолько боялся отправить рукопись в издательство, что на протяжении десяти лет писал «*в стол*». Теперь же, когда стало поздно, я наконец-то решился. Я держал в руках флешку с файлом своей книги… очередной книги, которая никогда не увидит свет. Она не будет прочитана, оценена и никто не подумает о писателе, который ночи напролет сидел за ноутбуком, пил кофе и думал о том, что его ждет успех. Каким же я был глупцом.

Кинув в урну флешку, я открыл верхний ящик стола и увидел то, над чем корпел часть своей беззаботной жизни – моя тетрадь желаний.

В детстве я был очень мечтательным, а сейчас… сейчас просто умираю. Согласен, что это страшно, но никто не застрахован. Я не ценил жизнь, когда она у меня была, а теперь, возможно, что я доживаю последние дни, часы… секунды,

и мне хочется насладиться ей, насколько это возможно. Мне не становится грустно, я злюсь. В первую очередь на себя.

Я открыл тетрадь, провел рукой по корявому, детскому почерку и улыбнулся, вчитываясь в первые пункты:

1. Купить железную дорогу, как у Сереги.
2. Дописать рассказ про рыцаря Оливера.
3. Съесть огромный торт.

Мне было восемь, когда я завел эту тетрадку. Мама говорила, чтобы я все свои желания записывал и в будущем исполнил. А я не исполнил ни одного. Прости, мама. Возможно в следующей жизни, буду умнее и смелее. Закрыв тетрадь, я бросил ее в урну к флешке и рукописным черновикам. Сморщился, когда почувствовал головную боль. Обычно она проходила через какое-то время, но каждый раз она была разной и длилась все дольше и дольше. В глазах темнело, потом кружилось и могло отпустить, но не отпускало сейчас. Последние дни, я не мог жить без укола какой-то гадости. Название я не запоминал, потому что уже несколько месяцев мне меняли препараты с такой частотой, что в аптеке меня узнавали и принимали без очереди. О страшном диагнозе я узнал в начале осени, и с того момента становилось лишь хуже, хотя о хорошем исходе никто и не говорил. Я сам придумал себе хэппи-энд, и жил дальше, надеясь, что все будет быстро, и безболезненно.

Я поднялся, оперевшись на стол, постоял какое-то время и пошел в спальню. В дверь позвонили, потом еще и еще. Головная боль усилилась. Звонки продолжались. Я не мог быстро среагировать. Стоял, как дурак посреди квартиры и витал в облаках, пока мозг загружал возможные команды. Человек, стоящий за дверью, не унимался. Продолжал звонить в дверь, так настойчиво, что я уже готов был открыть и спустить его с лестницы. Но стоило мне открыть, взгляд тут же сфокусировался на милом улыбчивом лице девчушки. Совсем молодая и беззаботная. Я никогда не был таким. У меня всегда были заботы и проблемы.

– Здравствуйте! – воодушевленно сказала она, протягивая мне бумажный пакет. – Меня зовут Юлия! Я представляю нашу волонтерскую команду «Усики» и…

Мне было плохо. Ее звонкий голос резал уши, голова разболелась еще сильнее, и я, не дав ей договорить, закрыл дверь. Потерев виски, хотел было идти за шприцем, но снова звонок в дверь.

– Ну что еще? Мне неинтересно… пройди по соседям. – Устало выдал я, не узнавая своего голоса.

– Я не договорила. – Равнодушно произнесла она и, выпрямив спину, снова начала сначала. – Здравствуйте! Меня зовут Юлия! Я представляю нашу волонтерскую команду «Усики». Предлагаю купить вам домашнее печенье! Все деньги от покупки пойдут на корм котам в приют «Усики».

Лучше бы я спустил ее с лестницы сразу, но… я слишком

устал, чтобы спорить.

– Сколько стоит?

– Ну… двести.

– Жди. – Я прикрыл дверь и направился в спальню за портмоне.

Пройдя в комнату, я вновь почувствовал, как силы меня покинули. Мгновение, и я уже сижу на полу, а рядом валяется разбитая ваза. Эти резкие «вспышки», как я их называл, меня раздражали. Я был немощным в такие моменты. Не мог ничего с собой поделать. Руки и ноги были словно ватные, а перед глазами мелькали яркие огоньки. Я – беспомощный, бесполезный кусок мяса, который вскоре не сможет самостоятельно даже зад себе подтереть. Зачем вообще тогда жить?

– Ой! – услышал я и машинально повернул голову, пытаясь рассмотреть источник звука.

Это была та девчонка, которая «ждала за дверью». Маленькая, а настойчивая. Кажется, ей было не больше пятнадцати, да и росту, как в Дюймовочке. Едва ли достала бы мне до плеча, если бы я встал. Тело не слушалось, требовало укола. Организм уставал бороться с болью.

– Давай, я помогу тебе встать! – она подошла ко мне, ногой отодвинула осколки и протянула обе руки.

– Шутишь? – мне стало смешно, но боль не проходила, сжимала виски, отчего мерцания перед глазами усиливались. – Раз уж ты здесь… подай шприц… там в тумбочке.

– Да, сейчас. Ты диабетик?

Ох, если бы я был диабетиком. Хотя, вероятность того, что я бы забывал делать уколы вовремя и умер так же быстро, была немаленькой. Я прикрыл глаза и прислонился головой к стене. Внутри все пульсировало. Мне казалось, что я кипящий чайник, у которого сломана система автоматического отключения. Кровь во мне кипела, бурлила, но я никак не мог отключиться.

– Диабетик? – вновь услышал этот голос.

Открыл глаза и не сразу понял, что смотрю прямо на нее. Она сидела на коленках передо мной, держала в руках шприц и заглядывала в мое лицо. Дыхание перехватило, я будто бы нырнул в океан настолько глубоко, что не мог сразу вынырнуть. Нужно вдохнуть свежего воздуха, а не получалось. Виски сдавило, и я снова увидел перед глазами лишь мерцания. Девчонка по-прежнему сидела передо мной и ждала чего-то. Скорее всего деньги. Точно, я же обещал купить печенье. Взяв из её руки шприц, я проморгался и хотел встать, чтобы хотя бы достать бумажник, но сил не было.

– Открой вот этот шкаф, – кивнул на него и выдохнул, готовя руку к уколу, – там в кожанке должен быть бумажник. Возьми сколько нужно и уходи. Только дверь не забудь захлопнуть.

Она кивнула, но не сдвинулась с места, а продолжила смотреть на меня, хлопая ресницами. Кажется, ей нужно было что-то еще. Ей хотелось помочь, но я пока еще мог спра-

виться сам. Правда, каждый раз делать укол было все сложнее, да и действовало не очень долго.

Когда игла коснулась кожи, я сморщился, а девчонка, чтобы не смотреть, тут же поднялась и полезла в шкаф. Скорее всего точно вытащит из квартиры что-то ценное, пока я буду «ловить кайф». Нестрашно. Я ввёл препарат в себя и почувствовал головокружение. Достаточно приятное. Я словно попал в объятия матери, которая вновь могла качать меня на руках. Клянусь, даже слышал ту колыбельную, которую она пела мне по ночам, когда я не хотел засыпать. А теперь я наслаждался, вспоминая эти моменты. Был счастлив и отдыхал… Я словно был в коме: ничего не видел, не чувствовал, но слышал. Отдалённо, но слышал. Та девчонка забрала деньги, вернула куртку в шкаф и вышла из комнаты, закрыв дверь, а потом вновь тишина.

Не знаю сколько по времени я провёл в отключке, но, когда открыл глаза все еще было светло. Значит, не так уж долго. Возможно, час или два, никогда не запоминаю время. Откинув плед, в который был укутан, я потер лицо и не сразу понял откуда вообще взялся этот плед. Я не мог сходить за ним, укрыться и отключиться. Взглядом я стал искать осколки вазы, но и их не было. Точно! Девчонка. Не спеша я поднялся на ноги и прошёл к шкафу, решив в первую очередь проверить сколько денег она мне оставила. Как же я удивился, когда увидел, что все на месте: и деньги, и карты.

Что тогда? Неужели, ничего не взяла? Значит, я ошибся, когда думал, что она вынесет все из квартиры. Ну бывает, что поделать? За свои тридцать «с хвостиком» разучился доверять людям.

Место, куда я делал укол болело, даже синяк появился. Если бы кто-нибудь увидел, точно бы сказали, что я наркоман. Возможно, это бы меня спасло от мыслей, которые все чаще стали посещать. Хотя, я прекрасно знал психологию. Чем чаще говоришь о смерти, тем больше её боишься. Вряд ли я боялся умереть, больше боялся стать немощным. Тем, кто сам не может подняться с постели или поесть, про остальное вообще молчу.

Толкнув дверь, я вышел в гостиную и застыл на месте. На ковре у дивана на четвереньках стояла девушка и собирала железную дорогу. Вернее, не так. Первое, что я увидел – это округлые ягодицы, обтянутые черными джинсами и маленькие ступни в коротких белых носочках. Странное зрелище, конечно, но достаточно приятное. Оперевшись на дверной косяк, я продолжал за ней наблюдать. Я не знал, кто она. У меня было мало знакомых женщин, но эта больше напоминала девочку. Длинные пшеничные волосы, собранные в хвост, касались пола, но она то и делала, что откидывала их на другую сторону. Стоять и наблюдать за ней было интересно, но нужно было вести себя по-хозяйски. Кашлянув, я обошел ее. Видел, как она вздрогнула и подняла на меня огромные глаза. Та самая девчонка-волонтер, которая про-

давала мне печенье – теперь собирала железную дорогу.

– Присоединяйся! Я уже запарилась собирать эту дурацкую дорогу! – сказала она, хмурясь и взглянула на наручные часы. – Нет, давай, я сначала покормлю тебя. Готовить я не умею, но можно заказать что-нибудь.

Либо я был заторможен после обезболивающего, либо она была такой быстрой, легкой, как ястреб, хватающий жертву на лету. Она подскочила на ноги, подошла к дивану, на котором валялась ее сумка, достала телефон и взглянула на меня.

– Рис или лапшу? О, есть буррито? Хотя, на вечер можно и пиццу!

– Стой, стой. Я что-то пропустил момент твоего появления и всего прочего.

– А, ну так… ты сделал укол себе, отключился, а я не смогла оставить тебя одного. Вдруг понадобится моя помощь!?

– Уверен, что нет, так что забирай свой детский сад и уходи! – я указал пальцем в сторону двери, но девчонка лишь моргнула.

– Рис или лапша?

С ней было бесполезно бороться, нужно было просто взять и выкинуть ее из квартиры. А там и спустить с лестницы, чтобы не лазила по чужим квартирам и не разговаривала так с взрослыми мужчинами. А как она разговаривала? Пыталась заботиться? Зачем?

В голове после укола ничего не складывалось, да и я

не старался думать о чем-то глобальном. Просто немного напрягало, что она вела себя, как у себя дома. Может быть я был в бреду и наобещал чего? Возможно, но маловероятно. Да и что я зациклился на этой девчонке. Пусть делает, что хочет, а я просто буду делать то, что делаю всегда. Я отправился в ванную.

Вода громко шумела, но я слышал, как в дверь позвонили, потом громкий смех и только шум воды. Прислушался, напрягся и… вздрогнул, услышав, как дверь ванной приоткрылась и девчонка поторопила меня. Она моей смерти хочет. Неужели, я провёл в ванной столько времени, что даже еду успели привезти? Минут сорок? Возможно, я задумался. Это бывало часто, но не помню, о чем думал. О многом ненужном, раз ничего не запомнил.

Я натянул штаны, чистую футболку, провёл руками по влажным волосам и наконец-то вышел. Хоть бы девчонки не было. Хоть бы она уже ушла… Думал я, но нет же, она сидела на диване, скрестив ноги и, увидев меня, тут же улыбнулась и указала на столик, на котором уже разложила коробочки с едой.

– Не знаю, что ты любишь, поэтому заказала всего по чуть-чуть! А на десерт пряник в виде листочка… он с корицей! Представляешь?! Там реально листочек – пряник! – она поднялась с дивана, обошла столик и стала искать коробочку с десертом. – Надеюсь, что, хотя бы чай у тебя есть.

– Напомни мне, кто ты такая. – Я сел на диван и повернул

голову в ее сторону, отчего девчонка как-то робко улыбнулась и сделала глубокий вдох.

– Юля, и я…

– А-а-а… «Усики». Вспомнил. Волонтер. А для чего ты притащила сюда железную дорогу?

Юля снова расплылась в улыбке и потянулась к коробочке, после чего начала ее открывать. Молчала, придумывая что-то, я терпеливо ждал, но она не отвечала.

– Блин, они приборы не положили. Я принесу вилки, видела, где они у тебя лежат. – Вернув коробочку на столик, она упорхнула на кухню, а я откинулся на спинку дивана и провёл руками по лицу.

Она вела себя слишком раскованно, а волонтеры себя обычно ведут сдержанно. Уж это знают все. Может быть решила задурить меня? Хотя, смысл? Если бы хотела вынести мне квартиру, то сделала бы это пока я был в отключке. Тогда что?

– Тебе хоть восемнадцать есть?

– Ну, есть. Я просто молодо выгляжу! – кивнула девчушка, протягивая мне вилку и закрытую коробочку. – Не будь таким серьезным, лучше улыбнись! Уверена, что у тебя классная улыбка.

Клянусь, что она в открытую флиртовала со мной, либо я уже слишком стар и каждое приятное слово воспринимаю как флирт. Кажется, я еще не отошел от укола. В голове каша, мысли совсем не о том.

Я открыл коробку с лапшой и перемешал все вилкой.

– Да хорош мусолить, попробуй! – не выдержала Юля, придвинувшись ближе ко мне и толкнула локтем под руку. – Вкусно же!

– Ты всем взрослым мужчинам тыкаешь?

– Нет, только тем, которые нравятся!

Пауза длинной в пару секунд и комната наполнилась смехом. Девушка смеялась, после чего принялась есть молча. Кажется, сболтнула лишнего, но с кем не бывает?

Накрутив лапшу на вилку, я рассмотрел ее нездоровый цвет и сморщился. Она напоминала земляных червей, которых отец брал с собой на рыбалку. После этих сравнений, есть и вовсе перехотелось, но Юля уплетала эту же лапшу с аппетитом, поэтому я решился попробовать. Вкусно, но, если бы не все ароматизаторы и красители – было бы не так. Наверное, нас это и убивает. Чем же еще обусловлен мой диагноз? Не помню, чтобы в нашей семье, кто-то умирал из-за болезней. Отец неудачно упал с лестницы, маму сбила машина, бабушка умерла от старости. Остальных родственников, к счастью не знаю. Почему к счастью? Да я уверен, что они те еще засранцы. На похоронах матери не было ни ее сестер, ни брата, которому она помогала во всем и переживала за его семью, больше чем за свою. Иной раз оставляла меня одного дома и ехала через весь город, чтобы забрать его из полицейского участка. Буду удивлен, если узнаю, что он до сих пор

жив. Боря любил приключения. Я снова отвлекся на мысли, а когда вернулся в реальность оказалось, что съел почти всю лапшу. Вот это да. Последние недели, аппетита не было.

– Слушай, а зачем ты притащила сюда железную дорогу? – снова задал я вопрос, на что девушка улыбнулась и протянула мне вторую коробочку.

– Ты же сам хотел.

– Я?!

– Да, у тебя в тетрадке было написано, что ты хочешь железную дорогу, как у Сереги! Не знаю какая дорога у твоего Сереги, но… у Эрика дорога крутая!

– В какой… еще… тетрадке? – удивился я, но потом вспомнил хлам, который разбирал утром. – Ты рылась в мусорном ведре?

– Не рылась я! Да и тетрадь лежала на самом верху, так что не рылась.

– Где она?

– Расслабься.

Девчонка начинала раздражать. Она лезла не в своё дело, кто вообще ей разрешил рыться в моих вещах? Даже в тех, от которых я хотел избавиться. Я поднялся с дивана и взглянул на девчонку, которая продолжала спокойно есть. Видимо, она не привыкла, что где-то ей могли быть не рады. Да, в принципе, если бы я не был неудачником, скорее всего тоже был ей рад. Может быть похвастал бы своими успехами и заслугами, а так… зачем ей тратить время на мои жела-

ния, которые я писал столько лет назад. К чему вообще этот бред? Железную дорогу я хотел в восемь. Сейчас для меня это всего лишь детская игрушка. Может, я и правда должен расслабиться. Мы посидим, и она уйдет. Зато я буду ещё долго вспоминать о ней. Да, именно так. Она же… необычная, странная, возможно даже немного глупенькая, в силу своего возраста. Кому нужно будет тащить железную дорогу к незнакомцу, только потому что у него это записано в какой-то тетрадке.

– Пойду поставлю чайник. – Сказал я, отчего на лице девушки появилась улыбка.

Странно, но мне было немного непривычно от того, что в доме помимо меня, был кто-то ещё. Последние несколько лет я только и делал, что писал книги, работал, придумывал… растерял всех друзей, да и знакомые от меня отвернулись. Соседи перестали здороваться. Я не помню, когда вообще видел их в последний раз. Даже их вечно орущего кота неслышно. Также, я не помнил, когда в последний раз думал о чем-то помимо книг и их издания. Когда ходил в библиотеку или книжный? Да и когда в последний раз просто гулял по парку? Просто, чтобы очистить свой разум от грустных мыслей? Может быть перед смертью стоило бы пожить так, как этого хотелось всегда? А как хотелось? Последние несколько лет я не мечтал, кажется, ни о чем. Да, я писал книги, и написал не одну и даже не две, их куда больше. Каж-

дый раз, заканчивая книгу, ставя последнюю точку, я думал о том, что я завтра отправлю готовые рукописи в издательство и буду ждать ответа. Но я боялся. Безумно боялся того, что мои рукописи будут высмеяны. Боялся критики и отрицательных комментариев. Боялся, что меня попросят что-то заменить. Но если я изменю что-то – это уже не будет моей книгой… это будет определенный продукт, который будут читать и не понимать сути. А я хочу, чтобы мои книги учили, чтобы после их прочтения люди задумывались о том, как делать не надо. Хочу, чтобы в каждом доме на полке стояли мои книги, да хотя бы одна… просто, чтобы меня знали и вспоминали после моей кончины. Но этого уже не будет. Я не успею… я уже не успел.

Чайник издал громкий щелчок, я вздрогнул и покачал головой, приводя мысли в порядок. Отыскав глазами кружки, я разлил по ним чай и вернулся в гостиную. Пустые коробочки были в пакетах, которые стояли у дивана, другие, с печеньем стояли посреди столика. Сама Юля снова лежала посреди гостиной и пыталась собрать железную дорогу. Маленькая, хрупкая девчонка… как только ей взбрело в голову исполнять эти детские, глупые желания?

– Либо тут нет одной детальки, либо я что-то неправильно прицепила! – выдала она, обернувшись на меня и помахала частью, которая никак не подходила. – А кто такой этот Серега? Твой друг?

– Да… мы дружили в детстве, – кивнул я, сделав глоток чая и почувствовал, как обжег губы.

– Дружили, значит. А сейчас? – Юля поднялась, прошла к дивану и села рядом со мной, подбирая ноги под себя.

– Сейчас он известный автор, чье имя знают все, а я… здесь.

– Ты о Есенском?

Кивнув, я взглянул в окно. Уже стемнело, всюду горели фонари, окна домов, витрины магазинов, а я смотрел на них с высоты. Своими силами я заработал на квартиру, о какой всегда мечтала мама. Огромные панорамные окна, большая светлая кухня, просторная ванная, но мама так и не смогла побывать здесь. Даже не представляла, что её сын, когда-либо будет жить в «хоромах». И все же, умереть не страшно, зная, что тебя ждут ТАМ. Я снова вернусь в детство. Снова стану маленьким, резвым мальчишкой, который любил сочинять истории. Рядом будет отец, он снова построит мне деревянный корабль, который я поставлю в комнате на полку. Мама, как и раньше будет крепко обнимать, заставлять зайти в дом покушать, вместо игры в футбол. И бабушка там будет, которая по вечерам, намазав мои разбитые коленки зеленкой, прочтет мне любимую сказку про Незнайку. Возможно, ТАМ я буду счастлив.

– …бездарность! – услышал я и перевел взгляд на Юлю.

– Что ты сказала?

– Есенский – бездарность! Ты же сам это знаешь. Он пи-

шет ни о чем, но его почему-то любят. Спросишь почему? А потому что он заказывал у папы в издательстве рекламу. Его по всем соцсетям разрекламировали. Вот оттуда и его «известность». Папа не любит таких, говорит, что всякое публикуют, а лучших просто не замечают.

– Твой отец работает в издательстве?

– Да! Он владелец и главный редактор «ШокБука».

– М-м… – протянул я, вспоминая издательство. – Петровский?

– Котов.

– Котов. – Повторил я, но все равно не мог вспомнить его. – А тебе не пора домой? Темно уже. Я вызову такси.

– Спасибо за заботу, конечно, но я на своей приехала. Ну раз уж ты гонишь меня, то… поеду. – Она взяла в руки кружку с чаем, отломила от печенья кусочек и улыбнулась. – Допью чай и поеду!

Сумасшедшая. Безумная. Бесстрашная. Если бы Юля была героем книги – она была бы именно такой. Я бы читал эту книгу и перечитывал, лишь бы побыть с ней подольше. Мне нравилось слушать ее нелепые беседы по поводу всего. За эти пару часов, которые я ее знал, она успела мне показать насколько люди могут быть жизнерадостные. Она буквально светилась изнутри. Смеялась, рассказывала о чем-то, а видя, как я внимательно слушаю ее, начинала ещё более эмоциональнее.

– Никогда в жизни столько не ела, сколько съела с тобой! – рассмеялась Юля, положив голову на спинку дивана и прикрыла глаза. – Надо ехать домой, завтра много дел.

– Верно, тебе пора домой, «Усики», – усмехнулся я, на что девчонка хотела ударить меня по плечу, но вместо этого только ткнула острым ногтем.

– А как тебя зовут?

– Зачем тебе забивать голову ненужной информацией?

– Ну же… как?

– Марин.

– Ого… – удивилась она и даже чуть приподняла голову с дивана, но сразу же вернулась в прежнее положение. – Необычное. А я просто Юля…

– Тебе пора.

– Ну хорошо, я поеду домой. Приятно было познакомиться, Марин.

Мы просидели в тишине ещё несколько минут, после чего девчонка поднялась, забрала свою сумку, прошла в коридор, где потратила ещё какое-то время на то, чтобы одеться и одарила меня улыбкой. Она ничего не сказала. Только улыбнулась, похлопала себя по карманам, ища ключи и вышла из квартиры. Я был уверен, что больше мы не увидимся. Вряд ли ей понравился наш тихий вечер. Я понимал сам, что в какие-то моменты сидел и подолгу молчал, смотря в одну точку. Не знаю, последствия болезни это или просто дело в том, что я наконец-то начал думать о жизни, но вряд ли

это кому-то может понравиться. Как бы то ни было, я закрыл за ней дверь на ключ, убрал в гостиной и сел на пол, рассматривая железную дорогу, которую оставила Юля.

– Я – ненормальный, – усмехнулся я и начал разбирать все, а затем собирать заново.

Ушел не один час прежде чем квартиру заполнили громкие «ту-ту», а паровозик помчался по рельсам. Зрелище завораживающее. Наконец-то что-то внутри меня смягчилось. Я понял, чего мне не хватало. Не хватало легкости. Из-за вечного напряжения у меня болела голова, а теперь я смотрел на то, как паровозик мчался по рельсам и чувствовал умиротворение.

Ночью я никак не мог заснуть. Новый сюжет крутился в голове, но я не мог заставить себя встать, пойти в кабинет, сесть за ноутбук и начать печатать. Я знал, что не успею закончить, но почему-то захотелось хотя бы начать. Просто начну, пусть заметка будет. Возможно, кто-нибудь, когда-нибудь найдёт её и решит дописать, а быть может и просто безвозвратно удалит.

Встав с постели, я пошел в кабинет босиком, потому что в темноте не захотел искать тапочки, а включать свет не хотел. Я сел за стол, включил ноутбук и несколько минут сидел и думал над тем, как же лучше всего начать. И я начал.

Проснулся от того, что шея невыносимо ныла, спина за-

текла, ноги замерзли. Я заснул за работой. Как и раньше. Протерев глаза, я проверил то, что написал и остался доволен. Текста было много, не зря не спал пол ночи. Встав из-за стола, я поплелся в ванную, принял душ, переоделся и решил приготовить себе завтрак. После вчерашнего я чувствовал себя полным сил. Готов был горы свернуть. Чуть приоткрыв окно, впуская в душную кухню свежий воздух, я достал из холодильника яйца, молоко и принялся готовить. В дверь позвонили. Я не ждал гостей и даже не мог подумать, что, когда открою, снова увижу Юлю. Лучезарная улыбка, растрепанные ветром волосы и платье – говорили о том, что она куда-то собралась. Наверняка… куда обычно ходят девчонки её возраста?!

– Доброе утро! Я пройду? – спросила она, пока я пялился на неё.

Она была в чёрном вязаном платье, которое больше напоминало большой свитер, голые коленки были в мурашках (на улице и правда холодно), в руках Юля держала сумочку, из которой выглядывала моя тетрадка. Сделав шаг от двери, я пропустил ее и предложил тапочки, как и следовало гостеприимному хозяину.

– Доброе утро. Ты что-то забыла вчера?

– С чего ты взял? – она обернулась на меня, снимая кроссовки.

– Ты вернулась.

– У нас планы!

– У нас?

– Перестань придуриваться. – Юля прошла за мной на кухню и села на стул, наблюдая за мной. – Кстати, я хотела уточнить…

Она убежала в коридор, а я продолжил готовить завтрак, только теперь уже не только на себя.

– Вот, смотри, тут написано «дописать рассказ про рыцаря Оливера». У тебя есть начало рассказа? Или придется писать с нуля?

– Мы не будем дописывать.

– Хорошо, напишем заново! А насчет торта… ты хочешь просто огромный торт или из которого выпрыгивает полуголая танцовщица?

– Думаю, что в восемь лет, когда я начинал вести эту тетрадь, я даже не знал, что в торте может сидеть «полуголая танцовщица». Эта тетрадь – прошлое! Она не нужна. – Я подошел к ней и захотел отобрать тетрадь, но девчонка ловко отскочила и нахмурилась.

– Прошлое? Ты сам в это веришь? Ты говоришь, что это прошлое. Хорошо, но зачем тогда ты собрал железную дорогу? Я хочу тебе помочь, а ты не даешь возможности.

– Помочь?

– Да! Я исполню твои желания! Зато твое лечение пролетит, что даже не заметишь! Ты же болеешь, да? Я в детстве, когда заболела ангиной, папа исполнял мои желания! Он не ходил на работу, смотрел со мной мультики и готовил

оладушки. Я тогда за неделю вылечилась! – она похлопала в ладоши и улыбнулась, но её слова, словно ножом полоснули мне по сердцу.

– Боюсь тебя расстроить, но да, я болею, и это не лечится.

– Ты зря паникуешь, все болезни лечатся. Просто нужно вре…

– Мне осталось жить максимум месяц! – перебил ее я и захлопнул окно, отчего девчонка вздрогнула.

Мы молчали, пока я готовил завтрак. Вот только есть перехотелось. Я выключил плиту. Юля по-прежнему сидела на том же стуле, на который села, когда пришла. Наверное, я был с ней резок, но она должна понимать насколько жестокой иногда бывает жизнь. Не стоило говорить подобное малознакомому человеку, тем более такому болтливому, как она. Эта агрессия взялась будто бы из ниоткуда. Я не хотел кричать, у меня было прекрасное настроение. Но я сам все испортил. Мало того, что испортил настроение этому маленькому, жизнерадостному «комку», который сидел и теребил в руках мою тетрадь, так и сам расстроился. Ничего не говоря, я ушел в кабинет, чтобы просто побыть наедине с собой. Голова вновь начала болеть.

Я сел в кресло и потер виски пальцами. Не знаю сколько времени я так просидел, скорее всего, пару минут. Мне было интересно ушла ли Юля или нет, но я не хотел выходить из кабинета. Стоило мне включить ноутбук, как дверь в ка-

бинет с тихим скрипом открылась и зашла Юля, держа в руках две тарелки с завтраком, который я готовил. Не знаю, что я почувствовал в тот момент, но эта её мания прилипать к людям, словно пиявка, больше раздражала, чем нравилась. Она прошла ближе к столу, поставила на него тарелки, а затем обошла его и обняла меня. Это было неожиданно. Я ничего не почувствовал от объятий. Только тепло ее тела и легкий запах цветов.

– Я не должна была лезть в твою жизнь и тем более напоминать о… – она еще крепче сжала меня и вздохнула. – Тебе нужно покушать.

– Так, «Усики», я тебя не понимаю. Что ты ко мне пристала? – как можно мягче спросил я, на что девчонка обошла стол и пододвинула ко мне тарелку с завтраком.

– Ну я же решила исполнить твои желания! Сколько получится! Можно? Не отказывайся.

Она не унывала, а я смотрел на неё и делал то же самое. Мы позавтракали, потом Юля строила планы на день, потом с кем-то долго разговаривала по телефону. А я что? Я просто смотрел на неё и думал о том, как все же тяжела жизнь. Никогда не знаешь, что же произойдет завтра, да что там завтра. Я не знал, что может произойти через пять минут. Вдруг я умру. Может быть это последние мои вздохи. С таким «оптимизмом» мне было больно даже дышать. Каждый раз эти приступы боли приходили неожиданно. Но стоило Юле вер-

нуться, боль проходила. Это еще раз доказывало, что я сам себя накручиваю.

– Так, я заказала торт, но не знаю сможем мы его съесть вдвоем или нет, но… думаю, что сможем. К тому же, мы сейчас будем думать о… твоем рыцаре Оливере! Сиди тут, я принесу твой ноутбук. – Она убежала в кабинет, затем вернулась и села рядом со мной, прижавшись вплотную, отчего мне было неудобно, но я не стал ничего говорить. – Создавай новый документ! Марин, ну! Ты тянешь время…

– Я не знаю, как начать.

– Жил-был?

Я рассмеялся и взглянул на Юлю, которая улыбнулась в ответ и потянулась к клавиатуре. Я ждал, когда она что-нибудь напишет, но ничего не происходило. Это ведь просто детская шалость. Нужно учиться развлекаться. Этого никто не увидит, кроме нас двоих. Я потянулся к клавиатуре, случайно дотронувшись до ее пальцев. Меня будто бы ударило током. Юля сразу же убрала свою руку с клавиатуры и заметно покраснела, но не отсела.

– Ну что? Пишу жил-был? – вздохнув спросил я, на что Юля закатила глаза.

– Ты серьезно? Вообще-то писатель тут ты! Пиши! – она отвлеклась на телефон, но тут же продолжила. – В самой чаще леса, в большой-большой берлоге жил…

– Рыцарь?

– Ну какой рыцарь?! Медвежонок!

– Кто?!

– Пиши! – Юля похлопала меня по плечу и снова прижалась, заглядывая в ноутбук. – Так… в берлоге жил медвежонок Оливер вместе с папой-медведем, мамой-медведицей и бабушкой, и дедушкой медведями! Никто в лесу с ним не дружил…

Мы отвлеклись, когда привезли торт. Он был большим и тяжелым, я хотел оплатить доставку, но оказалось, что, Юля уже все оплатила. Деньги, которые я пытался ей вернуть она не брала. Упертая девчонка, которая вероятно не могла ещё правильно распоряжаться деньгами. Когда я был в ее возрасте, устроился на подработку, чтобы после насыщенного дня в университете ещё и заработать. И в первую же зарплату купил целое ведерко вареной сгущенки. Сколько счастья у меня было, когда я бежал домой, надеясь, что любимая бабуля похвалит меня. Но не похвалила, да я и сам должен был понимать, что не стоило тратиться. Бабушка брала кредит, чтобы купить мне компьютер для учёбы, пенсия была минимальной, а я потратил кучу денег на сгущенку. Бесполезные траты… Потом пришлось есть эту сладкую гадость в течение нескольких недель, каждый раз давясь слезами, вспоминая об этом промахе.

– Давай в следующий ты будешь согласовывать со мной такие… покупки… – сказал я, как можно мягче.

– М-м… ты хочешь, чтобы наш бюджет стал общим? При-

дется жениться! Кстати, такое желание у тебя под номером семнадцать в тетрадке.

– Юля, я же серьезно.

– Да я поняла. Но желание – есть желание. Или ты не женишься на мне?

Я поднял на неё взгляд, и заметил, как порозовели ее щеки. Не знаю почему, но я улыбнулся. Какая она ещё маленькая и глупенькая. Но с ней, я уже второй день не думал о смерти. Наоборот, начал ценить каждую прожитую минуту. Каждое мгновение.

– Режь скорее, чай стынет и будем продолжать! Я такое придумала! – она раскинула руки в стороны, задев мой локоть и лампу на тумбочке у дивана, но только рассмеялась.

Следующие пару минут, я пытался понять, как лучше отрезать кусок. В этом деле у меня опыта не было. Большой есть не удобно, маленький не хочется, потому что знаешь, что второй маленький полностью не осилишь, а первым не наешься. Юля к тому времени уже принесла из кухни две столовые ложки, потому что чайных не нашла.

– Ну чего ты?! – не выдержала она и полезла ложкой в самую середину.

Она зачерпнула большой кусок и отправила его себе в рот, садясь на диван. По уголкам ее губ размазался крем, но я не осмелился стереть его. Да и что бы Юля подумала обо мне? Взрослый мужик уделяет знаки внимания молодой девушке. И что, что она совершеннолетняя… мы ведь далеко

не в любовном романе, чтобы это считалось нормой.

Я положил нож и вновь взглянул на Юлю, которая мотала из стороны в сторону, показывая мне, что торт безумно вкусный. Она улыбалась. Светлый веселый человечек, который любит жизнь и берёт от неё все. Каким же дураком я был раньше. Не видел очевидных вещей. Не видел прекрасного… Но теперь я смотрел на эту девчонку, и дышал полной грудью. Взяв ложку, я сделал то же, что и она. Мы пили чай, ели торт и нам было весело. Потом мы придумывали историю про рыцаря-медвежонка, а потом… уже стемнело, и Юле нужно было ехать домой.

– Утром я приехать не смогу… нужно будет помочь папе на работе. Там не хватает рук! Я как освобожусь, приеду. Ну или… – Она завязала шнурки и выпрямилась, загадочно смотря на меня. – Ты мог бы дать мне свой номер телефона, и я позвоню, как буду ехать. Что скажешь?

Я думал, что нам не стоит привыкать друг к другу, ведь чем дальше, тем больнее будет потом. Не помню, как отказал, как Юля ушла, помню боль, которой меня сковало, как только дверь закрылась. Меня стошнило, в глазах потемнело на пару минут, а спустя пару часов, когда я пришел в себя, пришла слабость и дрожь в коленях. Наверное, нужно было следовать предписаниям врача, пить какие-то таблетки, делать уколы вовремя, чтобы больше не случалось подобного.

Я прибрал все после себя, умылся сам и хотел продолжить

писать то, что начал вчера, но сил не было. Пройдя в спальню, смог лишь переодеться, лечь в постель и, сделав укол, погрузился в серый, мутный полусон.

Глава вторая: Моя боль – это только моя боль

Проснулся я посреди ночи. Часа через два-три после укола. Голова была чугунной, словно я накануне выпил литра три пива и запил все водкой. Усмехнувшись этим мыслям, скорее воспоминаниям, я провалялся ещё пару минут и поднялся с постели. Место куда ставил укол болело и было влажным. Возможно еще долго кровоточило после того, как я вырубился. Счастье, что проснулся, ведь этого могло и не случиться. Так и не найдя тапки, я прошёл к окну и взглянул на ночной город. Странно, что машины все еще сновали туда-сюда. Неплохо было бы прогуляться в тишине. Да. Ночью город казался до невозможности тихим, лишь изредка где-то сигналили машины, лаяли собаки, кричали о любви молодые парочки, пригубившие пива или вина.

Рука сама потянулась к ручке, и я приоткрыл окно. Ледяной воздух ударил в лицо, глаза заслезились, а по телу пробежали полчища мурашек. Свежо. Я закрыл окно вновь и прошёл по комнате, собираясь вернуться в постель, но вместо этого принялся быстро одеваться. Внезапно захотелось прогуляться, просто, чтобы подышать свежим воздухом, посмотреть на улицы родного города, вспомнить время, когда я не думал ни о чем и жил мечтами. Одевшись, захватил клю-

чи и вышел из квартиры. Не помню, когда в последний раз покидал ее, но сейчас у меня было желание прогуляться… странно, может быть это тот самый момент, когда просишь принести воды и… наступает темнота. Может быть это желание было таким, потому что я боялся умереть в одиночестве? Что если сейчас выйду на улицу, а найдут меня утром? Я боялся смерти, боялся даже мыслей о ней, но думал постоянно. Нужно было быть готовым.

Выйдя из подъезда, я поежился от ледяного воздуха, поднял воротник пальто и пожалел, что не надел шапку. Сунул руки в карманы, и пошел куда глаза глядят. Шел по тротуару, смотрел на машины, припаркованные у дома, на серые лужи и грязь, на голые кусты сирени и боялся, что больше не увижу, как весной они снова распустятся. Страшно, что вновь не смогу почувствовать густой запах сирени. Я шел и кажется прощался с каждым уголком дома. Страх сковал меня изнутри. Не стоит забивать голову этим. Не нужно приближать конец.

Я шел и не заметил, как покинул свой район. Просто брел куда-то словно в бреду или во сне. Остановился, услышав собачий лай. Взглянул по сторонам. Ни души. И снова пошел куда-то. Захотелось пить. Во рту пересохло. Пришлось возвращаться. Я знал один круглосуточный ларек у дома, но там кроме водки и пресного «Буратино» ничего не было. А ведь было время, когда за бутылку лимонада, я готов был отдать жизнь.

Повторюсь, наша семья жила небогато. Отец работал где-то на заводе, где задерживали зарплату, а если и выдавали, то макаронами или мукой, из которой мама месила тесто и готовила, ненавистную мной, домашнюю лапшу. Сейчас же, я бы душу Дьяволу продал, чтобы вспомнить тот вкус… Бывали дни, когда бабушка получала пенсию и баловала нас. Покупала пшеничную крупу, масло и хлеб (булочная была недалеко от нашего дома, и я часто пускал слюни на свежеиспеченный хлеб), иногда вместо пшеничной крупы был рис. Отец отрезал мне еще тёплую корочку, мазал её маслом, очень тонко, но я был счастлив. Мама плакала, видя, как жадно я глотаю хлеб, бабушка молчала, пожимая плечами, а папа винил себя в том, что не может обеспечить единственного ребенка.

Мне было пять. Как сейчас помню день, когда отец пришёл домой с тремя огромными пакетами. Он был пьян. Плакал, а на вопросы мамы лишь качал головой. Он сидел за столом, мама разбирала пакеты, а я стоял на табуретке и заглядывал. Хотелось скорее все рассмотреть. В этих трёх пакетах было все: колбаса, сыр, масло, крупы, каких в нашей квартире никогда не было, фрукты, овощи, целая упаковка шоколадных яиц, дорогущих и шоколадки, и сок в коробке, и лимонад «Буратино». Бабушка, кажется, что-то понимала, потому что стояла в дверях кухни и вытирала слезы. Мама задавала ему вопросы, откуда все, а отец молчал. Он плакал,

потом взял меня на руки, вручил шоколадку и крепко поцеловал в щеку. От него пахло перегаром, и я поторопился выбраться из его объятий. Он тогда улыбнулся и сказал: «Будь мужчиной сынок. Не будь таким, как я! Береги маму и бабушку». Следующие пять лет он не появлялся. Все эти пять лет мама плакала каждую ночь, но у нас всегда были деньги. Признаться, они не принесли радости…

Зайдя в квартиру, я закрыл дверь, снял обувь, пальто скинул по дороге на кухню. В холодильнике стояла бутылочка воды, и я почти сразу выпил половину. Сна не было ни в одном глазу. Закатив рукава, я отправился в кабинет, нужно было продолжать писать, если поторопиться, то может что-то получиться. Хотя, возможно, получится не очень хорошо, но зато это будет. Может быть получится недорого распечатать её и подарить соседям. Пусть хоть что-то от них останется. Не знаю, в какой промежуток времени я заснул, но проснулся от того, в дверь трезвонили. Не сразу понял, что это именно дверной звонок, первые минуты искал будильник, но потом поплелся открывать. Может быть кто-то ошибся? Хотя, если бы ошиблись, так настойчиво не звонили. Повернув замок, я открыл дверь, и в квартиру влетела светловолосая бестия, скидывая на ходу кроссовки и куртку.

– Ты чего такой медленный?! Я в пробку попала с утра пораньше, чуть в штаны не надула! Господи… Заткни уши! – крикнула Юля, убегая в ванную, я лишь рассмеялся, закрыл

дверь и подобрал её куртку.

Странно, она ведь говорила, что будет занята утром. Глянул на время. Почти два часа дня. Вот это я поспать. Больше не буду гулять на свежем воздухе по ночам.

– Это было классно… – выдохнула она, выходя из ванной. – Так, у нас по плану…

– Может быть…

– Нет! Одевайся теплее и поехали!

– Куда?

– Исполнять следующее желание! – она довольно улыбнулась и обняла себя за плечи.

«4. Научиться кататься на коньках».

О чем я вообще думал, когда писал это? Да, мне на тот момент было лет десять, и я бредил коньками, потому что мы всем классом ходили на каток, но… не стоило это писать в тетрадке. Отказывать Юле в том, что она хочет – то же самое, что и отобрать леденец у ребенка. Одевшись потеплее, я надел пальто, в котором гулял ночью и взглянул на девчонку, которая терпеливо ждала меня.

– А шапку?

– Не нужно со мной носиться, как с маленьким. Идем.

– Ладно, как скажешь…

Она надела куртку, сапоги и вышла из квартиры. Пока я закрывал дверь, Юля рассказывала о том, где можно будет перекусить и выпить горячий кофе или шоколад. Я не хотел на каток. Считал это бесполезной тратой времени, но прове-

сти еще один день с ней – это прекрасно. Наверное… может быть я просто придумал себе героя… героиню… и стараюсь ей подражать.

– Ты куда? Я вон там припарковалась, чтобы выезжать легко было! Ну же, что-то ты задумчивый какой-то сегодня. – Юля взяла меня за руку и потянула к машине. – Тебе плохо? Болит что-то? Ты скажи, мы можем остаться дома!

– Нет, все хорошо… просто задумался.

Она сжимала мою ладонь ледяными пальцами до тех пор, пока не подошла к машине. Большая чёрная машина, больше мужская, принадлежавшая скорее её отцу, чем ей самой. Я раньше мечтал о машине. Думал, что начну издаваться, стану известным, куплю все, что захочу и машину уж точно. Но проходя очередное обследование, понял, что мне не нужна машина, не нужны никакие деньги, ничего уже не нужно… нужно просто доживать последние деньки.

– Перестань думать о плохом! – сказала Юля, включая радио и весь салон тут же погрузился в музыку. – Пристегнись.

Я чувствовал себя двояко. Словно сам навязывался… хлопнув себя по карманам, убедился, что взял бумажник и выдохнул. Я уж точно не буду «развлекаться» за счёт девчонки. Все-таки я мужчина. Возможно, не мечта каждой женщины, да и… далеко не тот, за кем все бегают, но я не хочу терять лицо.

Юля крепко держала руль двумя руками, стучала пальца-

ми в такт музыке, иногда поглядывала на меня и улыбалась. Она была полна энергии, заставляла и меня улыбаться. Из-за таких, как она я мог поверить в чудо, каким бы оно не было. Рядом с ней все расцветало. Странно, что она всю дорогу молчала, а я думал о том, как жаль, что я не встретил ее месяцем раньше. А еще хуже это то, что девчонка может привыкнуть ко мне настолько сильно, что моя смерть может навредить ей. Я этого не хотел. Но я понял, что стал эгоистом, потому что хотел провести последние дни с ней. Только с ней мне было не страшно, только с ней я мог наслаждаться жизнью… Только она этого еще не понимала. Да и я был в растерянности. Мы знакомы третий день. Ничего друг о друге не знаем, но…

– О чем ты думаешь? – спросила Юля, остановившись у светофора и повернувшись ко мне. – Правда, расскажи, что тебя тревожит?

– Думаю, как избавиться от тебя…

– Марин…

– Я не хочу этого, но… просто ты же сама понимаешь, что совсем скоро произойдет то что нельзя будет исправить.

– И что? Зато мы… – она не договорила, потому что машина позади посигналила и нужно было ехать дальше.

Я проклинал водителя, ехавшего на своей колымаге позади. Из-за него я так и не узнал, что она хотела сказать. Кажется, Юля просто не понимала, что еще немного и наши встречи закончатся навсегда. Я умру, а она… будет жить даль-

ше, и я надеюсь, что счастливо. Да и что я раскис? Она – волонтер. Возиться со мной – это её работа. Её увлечение. Так нужно относиться к этому равнодушно. Не нужно думать о том, что будет после… нужно пожить для себя. Сколько там мне осталось? Недели три?

День не задался, кажется, с самого утра. Каток оказался закрыт, там велись какие-то работы из-за того, что у них на следующей неделе будет проходить игра в хоккей. Юля расстроилась, но не сдалась, поэтому мы поехали в другой конец города, лишь бы исполнить желание. Я пытался её отговорить, но она спорила со мной до хрипоты и слез.

Юля вела машину спокойно, уверенно, иногда поглядывая на меня, но ничего не говоря. Уверен, что за этот день она устанет настолько, что не захочет больше таскаться со мной. Уверен, что такое возможно. Вполне себе.

Нам выдали коньки, и Юля, визжа от радости, потащила меня на каток. Я был готов просто постоять и посмотреть на то, как будет кататься она, но девчонка была настроена решительно.

– Если будет нужно, я сама одену тебе коньки и вытолкаю на лёд!

Это было забавно. Смотреть на то, как девчонка, которая младше, почти вдвое, угрожала так, словно я был непоседливым мальчишкой. Делать было нечего. Я захотел подыграть.

Пусть думает, что правда. Пусть почувствует власть, раз уж ей не хватает, а я… просто проведу весело время. Главное, не разбить себе чего-нибудь.

Я надел коньки, достаточно быстро справился со шнуровкой и взглянул на Юлю. Она кивнула в сторону самого катка, на котором было слишком много людей. Вряд ли бы они увидели мою «великолепную» программу, но… что-то мне говорило, что я ненормальный. Возможно, болезнь на это както повлияла, а может быть я просто хотел в последние дни сделать то, чего никогда раньше не позволял себе.

Добраться от скамейки до катка оказалось не так уж сложно, но стоило мне спустить одну ногу на лёд, как она тут же поехала вперёд, а другая не успевала за ней. Я держался руками за борта и боялся, что смогу на собственном примере понять, что значит фраза: одна нога здесь, другая там. Юля толкнула меня в спину, чтобы я не задерживался, и я ступил второй ногой на лед. Удержался, но поспешил схватиться за борт, но уже чуть дальше от дверцы, которая разделяла нормальный пол и искусственный лед.

– Ну ты чего? Совсем не умеешь кататься? Да ладно, не поверю. – Юля чувствовала на льду себя уверенно, лишь иногда смотрела по сторонам, чтобы никому не попасться под ноги.

– То, что я катался на роликах году так в девяностом – не делает меня мастером фигурного катания.

– Так, ладно. Давай мне свои руки! Я помогу тебе! – она протянула мне руки в забавных белых рукавичках, и я взял ее за руки.

Признаться, боялся, что упаду сам и потяну ее за собой, но первые шаги на коньках были лёгкими. Юля смеялась, радовалась, как маленькая, а мне становилось легче. Даже гул людей, катающихся рядом с нами, не вызывал головные боли.

– Давай! Левой. Правой. Левой. Правой! Получается же! – Девчонка была «прекрасным» учителем, как она думала, но была настолько увлечена моим учением, что путалась в своих ногах. – А-а-ай! Чуть не упала!

– Держись крепче. – Улыбнулся я, крепче сжимая ее руки в варежках.

– Я вообще-то умею стоять на коньках, в отличие от тебя, так что… – она отпустила одну мою руку и начала поправлять шапку, которая сползала ей на глаза. – …так что не отвлекайся. Давай попробуешь теперь без моих рук. Только не стой на месте.

Стоило мне отпустить вторую руку, как Юля потеряла равновесие и с визгом начала падать. Я схватил ее за руку, попытался удержать, но лёд был слишком скользкий. Упал. Юля звонко рассмеялась. А я больно ударил колено. Но вся боль ушла, как только я взглянул в ее глаза… Она лежала, смотрела на меня и не могла сдержать смех. Меня ситуация забавляла, но я думал совершенно о другом. Просто смот-

рел на девчонку и чувствовал, как хочу жить дальше. Хочу каждый день видеть ее глаза, слышать смех, хочу целовать ее покрасневшие от холода щеки и потрескавшиеся, обветренные губы. Дурак… никогда не думал, что настолько влюбчив в людей, которые делают мне добро. Да ко мне никогда никто так не относился, как эта девчонка. Совсем ещё маленькая, но такая… благородная. Я видел, как ее взгляд блуждает по моему лицу и как глаза внимательно изучают контур губ, но не мог позволить себе нарушить дистанцию.

– Полежали. Отдохнули и встаем. – Сказал я, поднимаясь на ноги, боясь рухнуть вновь, но обошлось.

Юля поднялась следом за мной, снова поправила шапку и сделала небольшой круг вокруг меня. Еще какое-то время мы провели на льду, но время, отведённое нам на катание, наконец-то вышло. Мы переобулись, и Юля предложила посидеть, пообедать в кафе. Лёгкое головокружение я почувствовал ещё на льду, но решил не обращать внимания. Да такое бывало. Действие укола должно было продлиться ещё часов десять максимум. Мы пошли в ближайшее кафе. Юля сняла шапку, и я рассмеялся. Волосы спутались, перекрутились и выглядели так… мило, по-домашнему, но девушка тут же пригладила их ладошками и собрала в тугой пучок. Она это делала настолько непринужденно, даже не замечала ничего вокруг, будто бы так было нужно.

– Что мы закажем? Я знаю, что здесь вкусные биточки! Мой папа их просто обожает, но… Думаю, что мож-

но было бы супчиком перекусить, да? После катка – атмосферненько так! – девчонка рассмеялась, сверкнув глазками и вновь принялась изучать меню.

Я открыл меню и склонился над ним, прицениваясь, как вдруг на страницу капнула бордовая капля… затем ещё одна и еще.

– Вот дерьмо… – тихо выругался я, потянувшись за салфеткой и столкнулся с испуганным взглядом Юли.

– Все хорошо. – Попытался ее успокоить я, хотя сам испугался не на шутку.

Прошлый такой раз закончился тем, что я неделю провалялся овощем. Я запрокинул голову и приложил салфетку к носу. Из белоснежной, она тут же стала алой.

– Давай я вызову скорую! Или поехали домой… – засуетилась девушка, но я старался ее успокоить.

– Это всего лишь… кровь. Давление подскочило. – Усмехнулся я, хватая ещё одну салфетку. – Все-таки я уже достаточно взрослый, не привык к таким… нагрузкам. Сейчас все пройдет.

Но прошло минут десять, а кровь все также сочилась. Я чувствовал себя виноватым. Знал, что испортил Юле весь день, потому что она сидела с таким лицом, словно вот-вот заплачет. Ей было жаль меня. Просто жаль! Только поэтому она таскалась везде за мной или пыталась меня куда-то вытащить. Только зачем ей это все? Почему она так делает? Даже в тот момент, когда мне было плохо, она все равно была

рядом, даже помогала. Попросила официанта принести мне льда, чтобы остановить кровь. Она… боялась, но все равно помогала. А что будет дальше? Нужно было как-то отделаться от нее. Съехать с квартиры? Номера телефона она не знает. Только имя… так было бы лучше для неё, но не для меня. Но нельзя было травмировать ее еще, возможно местами, детское подсознание. И я принял решение… поднялся из-за столика, отчего Юля сделала то же самое.

– Ты куда? – спросила она, глядя на меня.

– Мне нужно в туалет.

– Я с тобой!

– Юль, это…

– А если тебе там станет хуже?! Я с тобой пойду!

– Перестань, это глупая затея! – начал злиться я.

– Засунь вату в нос и не нервируй меня! Либо мы вместе идем в туалет, либо ты будешь сидеть и терпеть, пока кровь не перестанет идти! – её голос показался мне грубым и достаточно громким.

Вот и что мне было делать. Мы пошли в туалет, где я умыл лицо и выбросил окровавленные салфетки. Взглянув на своё отражение в зеркале, я сморщился. Никогда не был красавчиком, а эта «болячка» сделала из меня ходячего зомби. Ещё повезло, что волосы уже прилично отрасли. В гробу буду смотреться более-менее. Сделал глубокий вдох, сморкнул кровь в раковину и вновь умылся холодной водой. Голова кружилась. Кажется, это уже мое привычное состояние.

Вечные недомогания. Слабость, боль, кровь.

– Все хорошо?! – услышал я голос Юли за дверью и увидел, как она дергает ручку.

– Все прекрасно! Я скоро умру и перестану мучиться.

– Очень смешно. – Буркнула она и снова дернула ручку.

Минут сорок я провёл в шоке. Кровь не останавливалась. Все сочилась и сочилась. Я держал лед на переносице, умывался холодной водой, держал голову прямо, но ничего не выходило. Юля нервничала, переживала, бегала вокруг меня, просила официанта снова и снова принести лед, отчего он уже странно поглядывал на нас.

Домой мы приехали в семь вечера. Уставшие, снова голодные и, мне показалось, что Юля была расстроена. Я скинул ботинки, куртку бросил в шкаф, не заморачиваясь над тем, чтобы вешать ее в шкаф и прошёл в ванную. Вымыв руки, я прошёл на кухню, включил чайник и подошел к окну. Юля все это время сидела на диване, обхватив колени руками и наблюдала за мной. Ей стоило уехать… оставить меня в покое, чтобы я последние дни вспоминал все самое хорошее, что было в моей бесполезной жизни. Но из хорошего я помнил лишь детство, да бедное, временами тяжелое, но были счастливые моменты. Что же касалось счастья в сознательной жизни, то тут я мог отметить лишь эти дни с ней. Нужно же было ей прийти именно к дверям моей квартиры и настойчиво трезвонить, чтобы продать печенье, которое…

которое я так и не видел с того дня.

– Хватит грустить, Усики, идем пить чай! – позвал ее и на душе стало как-то сразу так тепло, потому что я увидел, как она обрадовалась.

Подхватилась с дивана и сразу же, в два-три прыжка оказалась у холодильника, напоминая мне о торте, который так и не доели вчера. Такая домашняя, веселая. Она старалась не выдавать никаких эмоций, кроме радостных, но иногда, вот как пару минут назад, они брали верх.

– Чем ты вообще занимаешься? Учишься? Хотя, судя по тому, что ты целыми днями сидишь со мной – вряд ли. – Усмехнулся я, разливая горячий чай по кружкам, пока Юля «дегустировала» торт.

– Вообще-то, я без пяти минут главный редактор папиного издательства! Сегодня у меня была практика, поэтому приехала к тебе позже обычного.

– А, ну да… точно. Как я мог забыть?

– Я издам твои книги!

Я рассмеялся.

– У меня нет ни одной – это, во-первых, а во-вторых, мне это не нужно.

– Как же? Твое желание номер… двадцать два – издать хотя бы одну свою книгу!

– Юль, ты же понимаешь, что…

– …что я права! Это ты хочешь сдаться! Просто лечь и ныть о том, что ты болен и умрешь скоро! – она поднялась

из-за стола, видно стоя ей удобнее дискутировать.

– Давай ты не будешь меня учить!

– Я единственный человек в твоей жизни, который хочет научить тебя жить по-настоящему! А ты не принимаешь этой помощи!

– Мне не нужна помощь! – злился я, понимая, что она зашла уже слишком далеко.

– Тебе нужна помощь! Ты сам этого не понимаешь! Если бы не я…

– Я не просил тебя лезть в мою жизнь!

– Я хочу тебе показать, что все возможно!

– Я уже увидел достаточно! И мне не нужна помощь сопливой девчонки, которая сама знать не знает, как нужно жить! – крикнул я и увидел, как ее лицо исказилось.

Но нет, она не заплакала. Молча развернулась и ушла. Одевалась в коридоре, а я стоял на месте, закрыв глаза и сдерживал себя, чтобы не пойти за ней, не извиниться… не сказать, что я кретин. Я держался. Ровно до тех пор, пока не услышал, как хлопнула входная дверь.

Сел на пол… все как в тумане. Обхватил голову и почувствовал внутри себя пустоту. Снова паника накрыла меня с головой. Мир внезапно стал чёрно-белым, каким был до того, как я познакомился с Юлей. Но ей так будет лучше… она не увидит меня совсем беспомощного, убитого этой жизнью, а я ничего не буду знать о ней. Оно и лучше. Она слишком молода и глупа еще… но я не умнее. Что если теперь из-за

меня она будет себя винить? Что если это будет тем, что испортит её жизнь? Не должно.

«Только в мечтах я позволял себе целовать ее в розовые щеки, в сладкие губы, и чувствовать, как все внутри замирает. Как каждая клеточка тела трепещет от легких прикосновений. У меня не было ни одной пошлой мысли, когда я смотрел на нее. Было одно – дикое желание чувствовать жар ее объятий, тепло рук и вдыхать запах волос, которые пахли сиренью. Как же она была прекрасна… Юлия. Она никогда не прочтет эту книгу, а я никогда не стану настоящим писателем, но одно только воспоминание, связанное с ней – заставляет мое сердце все еще биться, и я рад этому. Бесконечно. Безумно. Рад».

Я поставил точку и откинулся на спинку стула, потирая глаза. Они горели, словно я продолжительное время смотрел на солнце или на лампочку. Хотя, многие говорили, что работать в темноте за компьютером – очень вредно. Но, а что мне терять?! Уже нечего. Я сохранил обновленный файл и выключил ноутбук. Взглянул на время и выдохнул. Два часа ночи. Нужно было сделать укол и ложиться спать. Но зачем делать укол, если нет боли? Нет ни малейшего намека на то, что вот-вот произойдет что-то страшное. Можно сделать и утром.

Не раздумывая долго, я отправился в спальню и уснул

практически сразу же, как только лег.

Утро выдалось ранним. Первое, что я услышал – это дикий ор соседского кота. Странно, но это не вызвало во мне приступ агрессии, как раньше. Признаться, даже скучал по-этому. Мне было страшно оставаться в одиночестве, в тишине. Потерев лицо руками, я поднялся с постели, поплелся в ванную и взглянул на своё отражение. Глаза по-прежнему были красными и сухость не проходила. Раньше такого не было, но раньше я и не работал несколько часов подряд за компьютером в темноте.

Я принял душ. Даже взбодрился. По привычке обмотал полотенце вокруг бедер и принялся искать в аптечке глазные капли. В ванной не было. Другая аптечка была на кухне, я вышел из ванной и вздрогнул, увидев в коридоре Юлю, которая уже снимала куртку. Она тоже вздрогнула, потом покраснела и отвернулась от меня.

– Как ты… – я не мог подобрать слов, был слишком удивлен. – Как… зачем ты пришла? Я думал, что мы вчера закончили то, что начали.

– Я не закончила – это, во-первых, а во-вторых, у нас нет времени, чтобы ругаться.

Я вздохнул и отправился в спальню, чтобы одеться. Да, был рад, что снова увидел Юлю, но… я не ожидал, ведь мы достаточно сильно поругались. Натянув домашние штаны, футболку, я заглянул под кровать, в поисках тапочек, но их

там не было. Почему-то у меня не было привычки носить их всегда. Только иногда вспоминал, когда ноги особенно мерзли.

Я прошёл на кухню, где Юля грела чайник и бережно выкладывала что-то из пластмассового контейнера на тарелку. Подняв взгляд на меня, она довольно улыбнулась, облизнула пальцы и указала на угощенье.

– Картофельные оладушки! – взвизгнула она, пытаясь полностью овладеть моим вниманием.

– Ка… что?

– Оладушки из картошки! Да ты не расспрашивай, а попробуй! Я чуть все сама не съела!

Я привык завтракать в одиночестве, но делать это в компании оказалось куда приятнее. Да, мы повздорили с ней вчера, но кто не ругается? Даже семейные пары, прожившие не один десяток лет, ругаются, а мы… всего-лишь знакомые. Она ничего не знала обо мне, я ничего – о ней, но мы проводили время вместе. И я готов был и дальше это делать, лишь бы она не видела то, как я угасаю. Весь с каждым днем мне становилось всё хуже. Я чувствовал, как сил не хватает донести пакет с продуктами от магазина до дома. Приходится делать остановку в парке и делать идиотский вид, что я просто решил посидеть на лавке в компании белого пакета с эмблемой магазина.

– Знаешь, в мое время эти твои «оладушки» назывались

драниками. – Усмехнулся я, вспоминая своё детство и то, как трепетно бабушка относилась к готовке.

Отец не появлялся дома уже второй год, мама говорила, что он уехал на работу. Но денег второй год у нас не было, да и мама целыми днями где-то пропадала. Мы с бабушкой проводили дни напролет вместе. Она читала мне книжки, рассказывала истории из своего детства, учила правильно складывать вещи в шкаф и научила мечтать и фантазировать. Моим фантазиям не было предела. Я несся домой из школы, чтобы рассказать бабушке о том, что узнал на уроках и о чем мечтал на переменах.

Я забегал в квартиру, снимал ботинки, молнией бежал в комнату, переодевался, потом в ванную, чтобы умыться и наконец-то на кухню. Бабушка обычно сидела и читала у окна, но однажды, когда я забежал на кухню, она чистила картошку. Целый пакет картошки. Я с удивлением наблюдал за этим, а когда она принялась натирать её на терке, удивился. Бабушка посмеялась, погладила меня теплой ладонью по волосам и сказала, что как только она закончит, все мои сомнения и вопросы уйду на второй план.

Так и случилось. Запах был потрясающий. Заполнял всю квартиру, каждый уголок. Да даже моя футболка и шорты, в которых я расхаживал по квартире, пропахли приятным запахом жаренных на масле драников. А какими они были на вкус… с ума можно было сойти. И я бы ел и ел, если бы

бабушка не сказала, что нельзя так много сразу, иначе заболит живот.

Сколько же она их напекла… целый таз с горкой, а потом мы ели их со сладким чаем. Я рассказывал об этом маме, а она смеялась, целовала меня в щеки и говорила, что скоро все наладится. Она всегда об этом говорила, но налаживаться ничего до сих пор не начало.

– Так! Теперь последнее желание на этой странице! – объявила Юля, вытирая губы салфеткой и встала со стула.

– Ты снова… мы вчера поругались из-за этого. Юль, как же ты не поймешь, я… – я заткнулся, потому что она поцеловала меня в щеку, но сразу же отскочила и довольно похлопала в ладоши. – Что это было?

– Желание! – рассмеялась девушка.

– Твое или мое?

– Твое… – она побежала в коридор, вернулась с тетрадкой и, подойдя ко мне, открыла первую страницу, указывая на пятое желание.

«5. Хочу, чтоб Танька поцеловала меня».

– Ну… я не Танька, но желание же исполнила!? Или нужно было не в щеку? Я готова и не в щеку, только скажи!

Я рассмеялся, прикрыв лицо рукой. Это было забавно. Если бы я ее не знал, сказал бы, что чокнутая, но за несколько дней нашего общения, понял, что она своеобразная. И исполнение этого желания было просто невообразимым. Я

и представить не мог, что у меня будет столько эмоций от этого безобидного поцелуя в щеку. Кстати, я даже не помнил о какой Таньке шла речь. Совсем не помню.

– Нет, все супер… просто, я не помню, кто такая эта Танька. – Признался я и вновь рассмеялся, вставая из-за стола и собирая посуду. – Мне было лет десять, когда я писал это желание.

– Не могу представить тебя маленьким.

– Почему?

– Ты слишком взрослый… серьезный такой. Улыбаешься редко, ещё реже смеешься. Наверное, ты всегда был таким.

– Нет. Если я похож на старого ворчуна, то это лишь оболочка. В душе я весельчак! – я улыбнулся, убирая посуду в раковину и почувствовал жжение в глазах, вспоминая про капли, которые и хотел найти, когда столкнулся с Юлей.

Достав аптечку из шкафчика, я принялся искать глазные капли. «Диклофенак» маленькая красная коробочка, внутри бутылек. Внимательно все осмотрел и хотел взвыть от того, что срок годности закончился ещё три года назад. Теперь тратить кучу времени на то, чтобы сходить в аптеку. В ближайшую идти бесполезно, потому что там никогда ничего нет.

– Что ты ищешь? – поинтересовалась девушка, подойдя ко мне и взглянув на капли, которые я держал в руках.

– Нужно сбегать в аптеку.

– Давай я сбегаю!

– Я ещё не такой беспомощный, Усики.

– Не называй меня так!

– А что? – улыбнулся я.

– Звучит пошло.

– А что ты знаешь о пошлости?

– Грубиян. Одевайся! Я отвезу тебя в аптеку. Проведем время вместе! Тебе будет веселее, и может быть ты даже перестанешь быть таким ворчуном!

Я оделся, взял бумажник, даже шапку надел и вышел из квартиры, пропуская Юлю вперед. Закрыл за собой дверь на ключ. Несколько раз проверил. До машины мы шли под веселый рассказ Юли о том, как она ездила к своей бабули, и как та накормила ее грибным супом, потом говорила где у нее появилась сыпь из-за аллергии. Я смеялся. Казалось, ничего не могло произойти, но внезапно я вспомнил о том, что не делал укол ни вчера, ни сегодня. Зря я это вспомнил. Зря. Мозг удивительная штука… Стоило мне подумать о том, что я хорошо себя чувствую без укола, как почувствовал легкое головокружение. Настолько легкое, что я решил не возвращаться домой. Дорога до аптеки займет минут двадцать, обратно столько же. Мне не могло стать ещё хуже за такой короткий промежуток времени. Обычно это длилось часами.

Мы сели в машину. Я старался не думать ни о чем. Вообще ни о чем, чтобы избежать лишних проблем, да и я не хо-

тел пугать Юлю. Нужно было все-таки для начала заглянуть в ближайшую аптеку, а уже потом ехать куда-то.

– Ты какой-то задумчивый… тебе плохо? Вернуться? – внезапно начала Юля, но я… идиот.

«Да! Да мне плохо. Я вижу черные пятна перед глазами! Я чувствую, как мои легкие со скрежетом увеличиваются и уменьшаются при каждом вдохе-выдохе! От этих мыслей меня бросает в жар, но я продолжаю делать вид, что все хорошо» – кричало подсознание, но я лишь покачал головой. Что могло случиться? Ровным счетом ничего.

Юля вывела машину на главную дорогу, и мне снова бросило в жар, как только я увидел впереди столпотворение машин. Пробка? Нет, не может быть. Обычно в это время пробок и не было. Все уже давно на работе, на учебе, где угодно, но только не на дороге. Но они были там. Все в одном месте. Сразу. Стоило не ехать вперёд, нужно было вернуться. Сказать хоть что-то! Не молчать! Но я промолчал.

Я чувствовал себя отвратительно. Это как в детстве, когда играешь в прятки, прячешься в шкафу, а не вовремя пришедший с работы взрослый видит «непорядок» и закрывает дверцы того шкафа на шпингалет. Ты сидишь там… один, в полной темноте и молчишь, потому что не хочешь показаться слабаком перед сверстниками. Тебя трясет от страха, к горлу подступает тошнота. Ещё мгновение и ты готов кричать, звать на помощь, но тот же взрослый открывает шкаф,

чтобы повесить одежду, пугается до чертиков и громко ругаясь, выгоняет из комнаты. Ты остаешься героем в глазах друзей, но больше никогда не лезешь в шкаф.

– М-да… это надолго, там какая-то авария на светофоре. – Озвучила Юля, я кивнул и откинулся на спинку сиденья, проводя руками по лицу.

Я почувствовал себя наркоманом, у которого началась ломка. Кости внезапно начало выкручивать, зубы сводить, дыхание стало частым… Мы отъехали не так далеко от дома, я бы мог спокойно вернуться, если бы ноги не стали ватными. Это чувство беспомощности меня убивало намного быстрее, чем рак.

Когда перед глазами все поплыло, я вцепился в ручку двери, зажмурился. Хотел, чтобы этого не видела Юля, но она все видела, замечала все.

– Тебе плохо? Почему ты сразу не сказал? Боже мой… сейчас, мы вернемся домой. Потерпи, миленький… – она дотронулась рукой до моего плеча, но я не почувствовал ничего, кроме боли.

Я только и смог кивнуть, стараясь сделать вдох, но грудную клетку сжало. Спазм не прекращался, я задыхался. Хватал воздух губами, как рыба на суше.

Видел, как Юля пыталась вернуться, уже начала отъезжать назад, но остановилась и принялась что-то высматривать. Ударила по рулю и растерянно взглянула на меня. А что я мог сделать? Ничего…

– Зачем мы вообще поехали куда-то?! Блин, блин, блин!

Её голос резал слух, становилось только хуже. Нужно было сделать укол, тогда вся боль бы ушла. Я почувствовал, как со лба стекали капли пота. Я – ничтожен… когда же это все закончится?!

– Марин?! Марин, взгляни на меня, пожалуйста! – Юля погладила меня по щеке, и я поднял на неё взгляд.

Не видел ничего, кроме размытого, непонятного пятна и лишь слышал отдаленно её голос, словно через подушку.

Я пытался сфокусировать взгляд на её лице, увидеть её глаза, чтобы понять, испугалась она или нет. Нужно было её успокоить, но я не мог успокоиться сам.

– Слышишь меня? Ты слышишь? – повторяла она одно и то же, я нашел в себе силы и кивнул. – Все будет хорошо! Ни на кого не обращай внимания, даже если будут сигналить или стучать по окнам. Я постараюсь быстро вернуться.

Ничего не понимал до тех пор, пока дверь машины не хлопнула, и я не остался в полном одиночестве. Наедине со своей болью.

Глава третья: Хуже не будет

Муторное состояние возвращалось ко мне. Во рту все пересохло, горло щекотало. Я невольно кашлянул. Ещё какое-то время пролежал в полудреме и открыл глаза. Сил не было. Тело казалось ватным. Нет, не просто ватным, а таким словно эту вату намочили, и она стала тяжелой и неподатливой. Это было ужасное состояние. Нужно было взять в привычку делать уколы на ночь, чтобы утро начинать бодро. Пока еще есть возможность, нужно следить за этим. В последнее время, я начал жить по-другому, и мне это понравилось. Я понял, что нужно ценить последние вздохи, чувства, взгляды. Пусть это бесполезно, но ради этого я готов прожить ещё немножко. Да, я принял факт того, что я вот-вот умру, но… хотелось бы ещё немного побыть рядом с человеком, который заботился обо мне.

Юля – человек с огромным сердцем. Она ворвалась в мою серую жизнь и всеми способами пытается ее разукрасить. Я не знаю, что творится в ее голове, но там явный хаос. Она – ураган. Никогда не сидит на месте. Вечно чем-то занята, но несмотря на всю занятость успевает уделить мне все своём время. Она – невозможность. Она – это то, о чем я никогда не мечтал. Она – глоток свежего воздуха. Она – жизнь.

Я продолжал лежать в машине, укутанный невесомым плюшевым пледом с кошачьими лапками и наблюдал за тем,

как девчонка сидит с ноутбуком на коленях. Она громко стучала длинными ногтями по клавиатуре, качала головой в такт музыки, играющей у нее в наушниках и иногда задумчиво смотрела на экран, будто бы что-то пыталась вспомнить. Мне было интересно чем она занималась. Нужно было вставать и начинать… вернее, продолжать день.

Я тихонько дотронулся до Юлиной ноги, стараясь не напугать ее, но она была слишком увлечена, и мое прикосновение все-таки напугало ее. Она взвизгнула, вытаскивая наушник из уха и ударила меня по руке.

– Ты сдурел так пугать?! – начала возмущаться Юля, закрывая ноутбук и убирая наушники в сторону.

Я рассмеялся. Не понимал, почему она так испугалась, ведь было бы куда хуже, если бы я ее позвал. Приняв сидячее положение, я сложил плед и положил его рядом.

– Как ты? Нормально все? Лучше себя чувствуешь? – начала Юля свои расспросы, надевая кроссовки и натягивая кофту.

– Да… получше, но чувствую себя, как… выжатый лимон. – Усмехнулся я, проводя руками по лицу. – Ты… сделала мне укол?

– Да! Это было классно, но… я так испугалась, когда вернулась в машину, а ты не реагируешь на меня. Надеюсь, что я все-таки правильно сделала укол.

– Спасибо.

Она за несколько дней сделала для меня столько всего хо-

рошего, что я просто должен был ее как-то отблагодарить, но… я не знал, как это можно сделать? Да и вряд ли ей нужны мои благодарности. Смешно будет, если она одна из тех аферисток, которых показывают по новостям или о каких пишут в газетах под заголовком «Будьте бдительны».

– Может быть нам стоит съездить куда-нибудь перекусить? Я проголодалась, пока ждала тебя.

Есть я не хотел. Да и чувствовал себя после укола, как овощ. Слабость отзывалась дрожью во всем теле, но я понимал, что нужно чем-то перекусить, тогда это чувство пройдет чуть быстрее. Юля убрала ноутбук, вернула сиденья в прежнее положение и сразу же направила машину к ближайшему кафе. Я весь путь до заведения пытался привести свое заспанное лицо в порядок, но все равно выглядел ужасно. Да и вообще, кто будет смотреть на меня? Я болен, мне не до этого. Накинув куртку, я взглянул на часы. Пол дня уже прошло, а я ничего не успел сделать. Ещё один день в пустую. Я еще на один день ближе к смерти. Странно, что эти мысли меня не пугали, наоборот вдыхали в меня жизнь. Я хотел жить. Хотел, чтобы эти последние дни стали для меня тем, что я буду вспоминать в момент агонии. Хочу умереть с улыбкой на лице.

– Поговори со мной, пожалуйста… Не люблю, когда ты молчишь. – Вдруг сказала Юля, взглянув на меня. – О чем ты думаешь?

– Тебе и правда интересно?

– Если ты перестанешь говорить о смерти, то да.

– К сожалению, мне придется молчать.

Она лишь вздохнула и снова перевела взгляд на дорогу. Если бы она знала, что творилось внутри меня, поняла бы мои мысли. Внутри меня будто бы была бомба замедленного действия. В любой момент могла рвануть… Даже сейчас. Я чувствовал себя не особо хорошо, что означало, что мой организм не понимал происходящего. Он боролся, но сил оставалось все меньше. В один момент он сдастся, и все закончится. Эта боль. Эти мысли. Эта дрожь и слабость, из-за которой я уже давно не чувствовал себя полноценным человеком. Я не чувствовал себя мужчиной. Сильный и стойкий – не про меня. Я стал размазней, у которого в любой момент могут отказать ноги, и я просто буду сидеть и ждать, когда это пройдет. И ведь с каждым разом мне становится все хуже, длительность обезболивающего становится все меньше, а боли сильнее.

Она остановила машину у кафе, где я раньше бывал достаточно часто. Мне нравилось сидеть за столиком у окна, пить кофе и писать свои книги, которые теперь находились на флешке в мусорном ведре. Вместе с другими моими желаниями и местами. Единственное, что оставалось – это тетрадь желаний, которую Юля таскала везде с собой.

Мы вышли из машины. Я запахнул куртку, взглянул

на девчонку, которая выскочила из машины в лёгкой кофте, не желая тратить время на то, чтобы одеться.

– Тут два шага, что я буду, как дурочка?! – сказала она на мое замечание и покачала головой.

Нужно беречь себя. Я не сберег, и мой организм устроил мне игру в «русскую рулетку». Но пока все было под контролем. Игру вёл я, но прекрасно понимал, что рано или поздно она выстрелит. Нужно быть к этому готовым и раз уж так вышло, что, Юля теперь всегда была рядом – подготовить и ее.

– Ты не должен об этом думать! – огласила Юля, когда нам принесли заказ.

Наверное, я снова отвлекся и что-то прослушал. Но по её лицу я понимал, что она в растерянности. Неужели, волновалась за меня? Переживала? Почему? Я ведь совершенно чужой для неё человек. А может быть я размышлял о чем-то вслух?

– Ты, о чем? – не понял я, пытаясь прояснить ситуацию.

– Марин, я же по твоему выражению лица вижу, что ты только и думаешь, как от меня избавиться.

– Не правда. Сейчас я думал о другом. – Улыбаясь произнес я, ковыряясь в тарелке с завтраком.

– Ешь, давай.

Мы говорили о чем-то за завтраком. Не о важном, наверное, поэтому я и не запомнил, о чем именно, но это было увлекательно. Я потерял счёт времени. Сколько мы пробыли

в том кафе? Час? Два? Возможно и больше.

На улице шел снег. Новогодняя атмосфера потихоньку заполняла весь город. В кафе, только спустя эти несколько часов я увидел небольшую искусственную ель, на макушке которой вместо звезды висела шапочка Санта Клауса. Забавно. Мне внезапно захотелось украсить квартиру мерцающими гирляндами, поставить живую ель, есть мандарины и смотреть новогодние фильмы. Да, ситуация мне не позволяла расслабляться, но я захотел этого. Просто хотел сидеть на диване, вытянув ноги, чистить мандарины, чтобы их запах вмешался с запахом ели и смеяться, в сотый раз пересматривая «Один дома». Я хотел поделиться этим желанием с Юлей, но она пулей выскочила из-за стола и побежала на улицу. Я попросил счет, высматривая девчонку в окно, но не видел. Оплатил счет и поспешил за Юлей. Она стояла рядом с каким-то мужчиной, съежившись от холода и что-то громко выясняла. Лишь подойдя ближе, я понял, что её машину увез эвакуатор за неправильную парковку.

– Кто сказал, что здесь парковаться нельзя? Кто?! – громко голосила Юля.

Я снял с себя куртку, накинул на её плечи и почувствовал, как ледяной ветер тут же просквозил все тело. Ничего. Я в теплом свитере. В последнее время часто мерзну. Да и до дома не так далеко. Повезло, что живу почти в центре.

– Девушка, я вам еще раз говорю, здесь парковаться нель-

зя. – Твердил мужчина, которого никак не отпускала Юля, требуя вернуть ей машину.

– У меня там деньги! У меня там вещи! Телефон в конце концов! Как я оплачу ваш штраф, если все деньги в машине остались?!

– Юль, – вмешался я, потому что понимал, что она явно наломает дров.

Оказалось, что девчонка необычайно вспыльчивая. Но со мной она не была такой. Даже, когда мы ругались, она молча уходила, либо же терпела и реже спорила.

– Сколько нужно заплатить?

– Я выписал штраф девушке, квитанция у нее.

Повернувшись к Юле, я проследил за тем, как она демонстративно вытянула руку и выпустила квитанцию. Она полетела дальше по улице, кружась в вихре вместе со снежинками.

– Юля! – разозлился я, на что она закатила глаза и снова начала говорить о том, что постоянно парковалась на этом же месте. – Давайте я просто оплачу штраф, и все.

Это никак не входило в мои планы, но зато появился шанс таким образом вернуть Юле, потраченные на меня деньги. Никогда не любил быть кому-то должен.

Спустя полтора часа мы наконец-то вернулись домой. Я продрог полностью. Мне было безумно холодно. Лезть под душ было самым правильным, но я не знал, как в таком

состоянии настроить температуру. Нужно было отогреться. Подождать, но… тело отходило от холода и мышцы сводило так, что я не мог пошевелиться. Юля, не привыкшая ходить пешком по холоду что-то бурчала, расхаживая по гостиной в куртке.

– О, Боже! – воскликнула она, подбегая ко мне. – Я с этой машиной и вовсе забылась… Марин, прости… ты замерз, да? Да, что я спрашиваю, у тебя даже губы посинели… Прости меня, идем, я наберу тебе ванну. Раздевайся!

Скинув куртку, девчонка прошла в ванную, начала набирать воду, а я просто наблюдал, стиснув зубы. Мышцы никак не переставали вытягивать и выкручивать тело, но я оказался стойким. Терпел. Юля проверила температуру воды локтем и на мой немой вопрос улыбнулась и пожала плечами.

– Моему брату шесть, отец вечно занят, а мама предпочитает потратить время на салон, чем сидеть с мелким. Бабуля научила меня всему! Я тебя обязательно с ней познакомлю! Она потрясающая!

– Уверен, что она и правда хороший человек, раз ты так ей восхищаешься.

– Она меня растила сама лет до шести, пока мама с папой притирались друг к другу. – Юля прошла мимо меня и кивнула на ванну. – Давай, снимай с себя все и залезай в воду! Скорее, а я принесу тебе чего-нибудь, чтобы прогрело изнутри.

– Я болен…

– Это не значит, что тебе нельзя пить, курить и… – она чуть покраснела и опустила глаза. – Не тяни время, снимай одежду, она вся холодная. От этого и мурашки.

– Какие еще мурашки? – нахмурился я, понимая, что начинаю согреваться.

– Вот эти! – Юля провела пальцами по моей шее, отчего по всему телу пробежал целый рой мурашек. – Так что никаких больше возражений! Или ты заболеть хочешь?!

Она ушла на кухню, а я стоял и не мог понять, что это было… Когда она до меня дотронулась, я почувствовал, как электрический разряд поразил все тело. Странное, но достаточно приятное ощущение. Возможно. Я боролся с этим непонятным чувством, которое зарождалось внутри меня. Нельзя! Нельзя было поддаваться этому. Но как же хотелось почувствовать ту нежность, которой, когда-то двадцатилетний, я упивался ежедневно. Старый идиот.

– Ты… нарочно это делаешь? – услышал я и рассмеялся, как ненормальный.

Меня забавляла эта детская злость, надутые губы и растерянность в глазах. Юля боролась сама с собой. Говорила одно, делала совсем другое. Она молча протянула полный бокал красного вина мне, и я выдохнул. Не хотел пить, к тому же… после этих уколов алкоголь мог только усугубить все. Но Юля была права… Если у меня рак – это не значит, что я не могу жить так, как хочу. Подумаешь… смертельная болячка. Осталось совсем немного, но это «немного» я про-

живу так, как хочу. Хочу насладиться жизнью в последний раз. И в предсмертной агонии я буду видеть только эти моменты. Завтра же начну жить в своё удовольствие.

– Пей! Что ты как маленький?! – возмутилась Юля, и я тут же взял бокал из ее рук и залпом выпил все до самого дна. – Ну вот! А теперь раздевайся и прыгай в ванну!

– Давай я без тебя это сделаю.

– А если тебе станет плохо? Ладно, но дверь не закрывай, потому что в случае чего, я не смогу ее выбить, как в фильмах делают.

Теплая вода ласкала тело снаружи, вино грело изнутри, а в голове выстраивался план завтрашнего дня. Я хотел провести его с кем-то, кого давно не видел. Сразу же решил, что позвоню Сереге. Мы же все детство провели вместе, а тут… нужно поговорить с ним, я слышал, что у него родился второй сын недавно. Нужно бы поздравить, пусть и с опозданием, но поздравить. Я прикрыл глаза и почувствовал, как каждая мышца подрагивает, расслабляется в теплой воде. Вспомнил то… нечаянное прикосновение. Алкоголь вовсе расслабил меня. Я думал не о том, о чем должен был. В моем воспаленном мозгу вырисовывались настолько пошлые и отвратительные картинки, что мне самому от себя было противно, но я не мог это остановить. Хотел хотя бы помечтать. Просто представить, что было бы, если был хоть немного увереннее в себе.

Сколько можно?! Я выдохнул и прикрыв глаза, погрузился в воду с головой. Вода тут же попала в уши. И я не слышал ничего, кроме этой глубинной тишины.

Снова вспомнил детство. Лето в деревне у бабушки. Мама тогда все лето проработала в городе, отец все еще находился в тюрьме, а бабушка делала все, чтобы зимой мы не бедствовали. Я же отдыхал от школы, одноклассников и учителей, которые меня почему-то не любили. Хотя скорее всего они не любили мою увлечённость литературой, ведь даже на серьезной контрольной не упускал возможности прочесть хотя бы пару страниц любимой книжки. Отчаянным пареньком рос. Мечтал о великом будущем! Мечтал стать известным писателем, о котором говорил бы каждый.

Тогда мы с Серегой, который на месяц приехал с родителями на дачу, пошли на речку. Сначала планировали только порыбачить. Даже для этого специально проснулись пораньше. Наловили полведра мелких рыбешек, а потом решили поплавать. Плавали, играли в мяч в воде, потому что Серега видел такое по телевизору. Мы играли, веселились. И я не помню, как дело дошло до драки. Наверное, мы так бесились, а может быть одно неловкое слово разожгло конфликт. Есенский всегда был нытиком.

Я помню, как он навалился всей своей массой (а в детстве он не был худеньким, в отличие от меня) навалился и не давал мне всплыть. Я задержал дыхание. Вода резала глаза,

но я видел мутное дно, водоросли и слышал эту тишину, которая царила под водой. Эта тишина поглощала меня. А когда я открыл глаза, уже лежал на песке. Рядом сидел перепуганный до чертиков Серега и плачущая бабушка. Тогда я не понимал, что происходило, но теперь прекрасно знал, почему она плакала. Если бы я мог изменить прошлое, я бы просил у неё прощения, целовал её теплые морщинистые руки и просил простить меня.

Меня вытянули из воды с такой силой, что я испугался, что в квартиру кто-то ворвался. Протер лицо руками и взглянул на перепуганную Юлю, которая плача что-то кричала. Эта ситуация напомнила мне тот случай из детства. Только тогда плакала бабушка, а сейчас это делала Юля. Ее всю трясло от страха, а может быть от того, что она сдерживалась, а не устроила мне истерику. Лучше бы кричала.

– Юль… – начал я, ища глазами что-нибудь, чтобы прикрыться и не смущать девчонку, но она и не думала рассматривать меня.

Я протянул к ней руку, но она отскочила отмахнувшись. Слезы ее душили. Тело не слушалось. Я видел, как дрожат ее руки.

– Что ты за человек такой? Я пытаюсь… стараюсь сделать хоть что-то, чтобы… а ты… Ты – самый настоящий эгоист! Вот ты кто! И один ты только потому что не ценишь человеческую помощь! – разошлась она, пытаясь выплеснуть на ме-

ня весь негатив, который находился в ней за это время.

– Юля, послушай…

– Нет, не буду я тебя слушать! Не буду! Так же, как и ты не слушаешь меня!

Я не злился на нее. Понимал, что она испугалась и, наверное, очень сильно, потому что… зайти и увидеть «утопленника». Но достаточно смешно, что она решила, что я захотел таким образом свести концы с жизнью. Это сильно, но глупо. Я только захотел жить… благодаря ей.

Мне все же удалось ухватить Юлю за руку, и я потянул ее ближе к себе, чтобы она не расхаживала по всей ванной и не увидела того, чего видеть не нужно было. Но то ли я не рассчитал силы, то ли она была слишком увлечена чтением нотаций, потому что неуклюже пошатнулась и в то же мгновение грохнулась ко мне в ванну. Выглядело это забавно только со стороны. Я испугался, что она могла удариться. Но Юля молчала, значит не ударилась. Она лежала у меня на груди вся мокрая, ошарашенная и… я не мог прочесть весь спектр эмоций гуляющих по ее лицу. Юля смотрела на меня открыв рот. Впервые мы были настолько близко друг к другу. Я рассматривал ее лицо: огромные голубые глаза, маленький носик, большие розовые щеки и губы… Мой взгляд остановился именно на них, и я клянусь, что если бы не держал себя в руках, алкоголь бы сделал то, о чем я потом жалел бы всю оставшуюся жизнь. С одной стороны – не так долго бы и жалел, с другой – я не хотел портить остатки сво-

их дней.

Молчание затянулось. Слишком. Нужно было что-то сказать, но я не успел. Заметил, как Юля, пересилив себя, потянулась ко мне, чтобы поцеловать и вовремя успел отвернуть голову. Она этого хотела. Хотела, чтобы я поцеловал ее, но… это было бы неправильно.

– Почему?! – возмутилась Юля, растерянно глядя на меня, но что я мог ей сказать. – Почему, объясни мне?! Я тебе совсем не нравлюсь?

– Юля, прекрати это. – Я помог ей вылезти из ванной и едва успел остановить, чтобы она не разделась прямо передо мной. – Ты еще слишком…

– Молодая? И что?! Это ведь даже лучше, разве нет? Я думала…

– Давай мы не будем об этом говорить, пока я в таком… виде. – Я пытался не ругаться с ней, потому что понимал ее чувства, но она была слишком упрямой.

– Нет, мы будем говорить прямо сейчас! Я бегаю вокруг тебя, помогаю, исполняю твои желания, а ты… ты даже не пытаешься ответить мне взаимностью!

– Я не просил и не прошу тебя исполнять мои желания. Я даже не прошу сидеть со мной целыми днями! У тебя, я уверен, есть другие дела, так занимайся ими, а не… – — я провёл рукой по лицу и покачал головой, пытаясь сказать следующую фразу, как можно мягче. – Мне еще рано нанимать сиделку.

Юля закусила губу, видимо боялась резко отозваться обо мне, но глубоко вздохнула и прошла к двери, шлепая мокрыми ногами по кафелю.

– Ты глупый и неуверенный в себе неудачник.

– Я знаю…

– Так если знаешь, почему не исправляешь это?! – крикнула Юля, обернувшись ко мне.

Я пожал плечами, понимая, что она права. Все ее слова ранили меня, так же как ее ранил мой отказ, но… я ведь был прав.

Приняв душ, я прошёл в спальню, где творился полный хаос. Все вещи из шкафа валялись на полу. Сразу понятно, что кто-то что-то искал. И даже не кто-то, а Юля, потому что среди этого бардака я нашел ее мокрые вещи.

Переодевшись, я бросил все вещи в стиральную машину и прошел в гостиную, где сидела Юля. Она сидела в моем старом черном свитере. Ей он был велик. Даже слишком, потому что она в нем казалась еще меньше. Со мной Юля не разговаривала, да и мне нечего было сказать. Ну а что я мог? Ровным счетом – ничего. Может быть все шло из детства? Все комплексы оттуда.

Сначала дразнили за мою худобу – в начальных классах, потом за бледность и прыщи – в старших, за ум – в университете, за быстро выполненный план – на работе. Сейчас у меня был единственный комплекс – мой диагноз. Я не мог жить

в полную силу. Боялся выкурить лишнюю сигарету, боялся выпить больше обычного. С этой болезнью я стал другим человеком, но таким же неудачником.

Я прошел на кухню, поставил чайник и прикрыл глаза, думая о том, что произошло в ванной. Почему я так сделал? Потому что собрался умирать? Или может быть я боялся того, что… если дело зайдет слишком далеко, я облажаюсь? Стиснув зубы, я сделал глубокий вдох, выдохнул и попытался отогнать от себя эти мысли. Как я вообще смел такое думать еще и о ней… о человеке, который меня пытается вытянуть из этого дерьма.

– Так, ладно, что там у нас по плану? Какое желание следующее? – я сел рядом с Юлей и хлопнул в ладоши, стараясь делать вид, что ничего не произошло.

Юля молчала. Не поворачивалась ко мне и смотрела куда-то: то ли в стену, то ли в окно. Неужели, я обидел ее настолько сильно? Но я же не сказал ничего обидного… или сказал? Мой мозг сейчас плохо соображал. От каждого укола я становился все ущербнее и ущербнее. Мог забыть, как называется какая-то нужная вещь. Может это я себя накручивал? Выдумывал себе больше болячек, чем было. Такое ведь часто бывало.

– Ну извини, если я тебя обидел. Только я не понимаю, чем? – я пожал плечами, не сводя взгляда с нее. – Юль… я же хочу, как лучше. Не хочу, чтобы у тебя потом были плохие

воспоминания, связанные со мной. Я вообще не хочу, чтобы ты… ломала себе жизнь, таскаясь со мной. Мы знакомы не так много, но…

– Я не хочу… – ее голос дрожал, и только тогда я понял, что она все это время плакала. – …чтобы ты умирал…

Она еле выдавила из себя эти ужасные слова, а потом прикрыла лицо руками и зарыдала в голос, отчего мне стало страшно. Я глубоко вздохнул, понимая, что своим поведением еще больше могу навредить ей. Но она принимала меня всяким… и за грубым мной таскалась, и за обычным… Дура малолетняя! Не понимает ничего.

Я аккуратно приобнял ее за плечи, но что-то подсказало мне сделать по-другому. Сев удобнее, я прижал ее к груди и уткнулся носом в ее волосы. Юля пахла сиренью. Запах сводил меня с ума, но я пытался успокоить ее, как мог. Как успокаивали меня в детстве. Я обнимал ее, гладил по волосам, но она продолжала всхлипывать.

– Ну что ты сырость развела? Я же еще жив, а ты уже плачешь так будто я уже… – я замолчал, понимая, что такими речами и вовсе введу ее в истерику. – Ты права… я неудачник, и всегда им был. В школе учился так же плохо, как и все, боялся, что со мной перестанут дружить из-за того, что я умнее. А когда устроился в один журнал, специально делал опечатки. Боялся, что начальник подумает, что я беру это все с интернета. И получал за эти опечатки выговоры постоянно. Из-за неуверенности в себе впервые поцеловался в два-

дцать лет.

– То есть ты не умеешь, поэтому не поцеловал меня? – она подняла голову, и я рассмеялся.

– Ты только что плакала.

– А ты… – она вытерла слезы ладонью и громко всхлипнула. – Ты обидел меня!

– Постой, – я наклонился к ее лицу, вдохнув и все-таки уловил легкий аромат. – Ты что выпила?

– Нет! – сразу же откликнулась Юля, возвращая свою голову мне на грудь и прикрыла глаза. – Я не пью, я же за рулем.

– Сегодня ты без руля, и без моего присмотра. Ты хоть своих предупредила, что задержишься?

Я начал паниковать. За окном темнело, стиральная машина только начала стирать, а пока вещи Юли высохнут, пройдет еще немало времени. А если ее родители узнают… они меня похоронят заживо. Но я же ничего не сделал. Хотя, кто будет разбираться? Нужно было вызвать ей такси.

– Мой телефон остался в машине, а машину я заберу только завтра, так что мне можно немного расслабиться.

И правда, что я так разволновался? Она взрослая уже… Да уж, только сейчас понял, что сам запутался в своих же мыслях. То она маленькая, то взрослая. Оказывается, это тяжело.

Мы просидели в тишине еще немного, а потом Юля пред-

ложила исполнить еще одно мое желание. Какое? Нужно было вспомнить, что когда-то писал в свою тетрадку желаний.

«6. Научиться играть в шахматы»

Не помню для чего мне это было нужно, но желание было достаточно интересным. У меня редко возникало желание чему-то учиться. Да, в университете я старался быть лучшим, но ближе к третьему курсу до меня дошло, что как бы я не старался – отлично мне никто не поставит. Почему? Просто потому что я получил бюджетное место, а бюджетников никто не любил. Это сказал Серега, когда мы вечерами собирались и делились с ним новостями. У него все было отлично в плане работы уже тогда. Он заочно учился и писал статейки в местной газете. Когда я окончил университет – Есенский уже был редактором какого-то модного журнала, но это дело ему быстро надоело, и он занялся писательством. Написал свой первый роман, дал мне на редактуру и… я уже тогда понял, насколько велик Серега в этом деле. У него были классные обороты, он знал в какой момент нужно было ввести нового персонажа, а я третий год корпел над своим романом.

Первый его успех был грандиозным. Куча поклонников, огромный тираж и… отказ от услуг редактора. Он отказался от моей помощи, сказав, что не сможет платить другу. Может быть просто я был таким завистливым… не порадовался его успеху, только завидовал и думал, почему я не на его месте?! А когда узнал о болезни, то и вовсе возненавидел весь

мир, а нужно было просто порадоваться за друга, за здоровых людей, да за самого себя в конце концов.

Юля притащила из кабинета мой ноутбук, взяла со столика телефон, села рядом со мной и принялась вбивать в поиск запрос: «Шахматы. Онлайн». Я не любитель всех этих компьютерных игр, но провести вечер в компании Юли и пытаясь научиться играть в шахматы (пусть даже и ненастоящие) – думаю, что очень даже хорошая идея. Она нажала на какую-то кнопку на клавиатуре, и громкая музыка заорала на всю квартиру. Юля вздрогнула, но тут же рассмеялась и, сбавив громкость, начала искать в телефоне, как правильно играть в шахматы. Весь вечер мы потратили на теорию. Юля читала вслух, а я пытался все запомнить. Забавно, но оказалось, что в настоящие шахматы играть очень даже сложно, но вот Шахматы. Онлайн были игрушкой для детей.

– А у тебя нет настоящих? – вдруг спросила Юля, и я, сам не понимаю почему, встал с дивана и отправился в кабинет.

Нет, шахматы нигде не могли заваляться. Когда я въезжал в нее она пустовала, так что от старых хозяев ничего не могло остаться, но… я знал, как можно развлечь нас обоих. Достал целую стопку чистых листов, карандаши, клей и вернулся.

– Что ты собираешься делать?

– Хорошо провести вечер, играя в шахматы! – усмехнулся я, склеивая два листа вместе и расчерчивая все.

Юля с интересом смотрела на то, как я занимался ерун-

дой, пытаясь растянуть время. Через пару минут она присоединилась ко мне и охотно начала рисовать разные фигурки, высматривая в телефоне, как правильно. Получалось у нас не очень хорошо, но мы здорово проводили время. Мы заказали пиццу поздно вечером. Раньше никогда не питался таким, но… готовить даже бутерброды не очень хотелось. Вообще не хотелось делать ничего. Просто сидеть, говорить о чем-то нелепом и видеть, что это обоим доставляет удовольствие.

– Почему это слон?

– Ну вот же хобот.

– Не-е…

– Да.

– Вот лошадь похожа на лошадь, а этот твой слон вообще ни на что не похож. – Ворчала Юля, чем безумно привлекала.

– Это не я придумывал фигуры, Усики.

– Эй! – она рассмеялась и погладила меня по плечу. – Я же говорила, что это некрасиво.

– Ты сама так представилась.

– Я сказала, что я представляю волонтерскую команду «Усики».

– Долго придумывала? – усмехнулся я, обернувшись на девчонку, жующую огромный кусок пиццы.

– Ты вообще-то мне поверил.

– Так ты не волонтер?

– Я э-эм… ну…

Я рассмеялся, продолжая вырисовывать шахматы. Юля нарисовала кривую лошадь, долго смеялась с того, как «красиво» у нее получилось и вешалась мне на шею, чего раньше не позволяла. Наверное, сегодняшнее происшествие нас немного сблизило. Странно, что все вот так происходит. Незнакомые люди становятся ближе, просто проводя время друг с другом. Нужно будет обязательно упомянуть об этом в своей книге. Но это потом.

Мы так и не закончили с шахматами. Юля уснула на диване, и я ушел к себе в спальню. Переоделся, взглянул на время, сделал укол и погрузился в болезненный сон. Мне снился двор, в котором я рос. Мне снова пять, отец и мама на работе, бабушка, как всегда, сидела с соседками на лавке. Что-то обсуждали. Возможно, даже что-то интересное, потому что никто даже не заметил мой новый костюм, не сказали какой я красивый. Да оно и лучше, больше времени останется на игры. Беготня вокруг песочницы – лучшая игра, особенно, если представляешь, что за тобой гонится медведь или волк про которых бабушка обычно рассказывала сказки. Я уже успел набегаться, а бабушка никак не хотела возвращаться в квартиру. Мне не стоило лезть на качели самому. Хрупкий и мелкий я – попросту не мог самостоятельно туда залезть, но… получилось. Как же я был рад. Раскачивался взад-вперед. Обычный сон, ничего страшного, но радости

было недолго. Приснилось, как упал с той качели. Разбил губу. Такая тягучая боль, которая отдает в зубы, да и вообще во всю челюсть медленно наполняла меня. Было такое ощущение, будто бы череп что-то сдавливало настолько сильно, что я не мог раскрыть рта. Меня разрывало от боли изнутри, а я не мог проснуться, как бы не пытался. Истекал кровью, чувствовал этот привкус во рту, запах и подступающую от страха тошноту. Голову продолжало сдавливать.

Проснулся по инерции, не понимая, что происходит. Тело не слушалось, а тошнота подступала все сильнее. Я не спал, но чувствовал все то же, что и во сне. Просидев в полной темноте пару минут, я почувствовал, как что-то разрывается внутри, и еле успел свеситься с постели. Меня стошнило. Я захлебывался, но не мог себя остановить, понимая, насколько это выглядит отвратительно.

Свет резал глаза, я прищурился, вытирая рот ладонью и взглянул в сторону двери. В комнату ворвалась Юля. Она выглядела встревоженной и сонной. Представлял, насколько громким был, но… что я мог сделать? Юля стояла и смотрела, а я почувствовал, как меня вновь начинает тошнить.

Я проснулся

Вздрогнул, чувствуя, как чьи-то холодные руки гладят мое лицо. Тошнота подступала к горлу все сильнее, я свесился с постели. Меня рвало, как никогда. Голову сдавливало, но кто-то продолжал гладить меня, уже по плечу. Взгляд

не фокусировался. Уши словно заложило, я не слышал ничего.

– Все хорошо… все хорошо… не обращай внимания… – услышал я, словно через стекло кто-то кричал, когда снова уронил голову на подушку.

Что-то холодное легло на лоб, и я вздрогнул, собираясь скорее убрать это, но не дали этого сделать. Постепенно начинал приходить в себя. Повернул голову и увидел, сидящую рядом Юлю. Она держала мокрое полотенце, чтобы оно не упало с моего лба и гладила по плечу, говоря, что все хорошо. Если бы она знала, как мне было плохо. Меня бросало в жар, тошнота не проходила.

– Что… со мной?.. – прохрипел я и не узнал своего голоса.

– Ты весь горишь, – она приподняла полотенце и приложила ладонь к лбу, но тут же вернула все обратно. – Я вызову скорую. У тебя в аптечке нет ничего от температуры.

– Не надо… до утра пройдет…

– Ты уверен?

Я кивнул и вновь почувствовал, как к горлу подкатывает горький ком. Это происходило несколько раз в моей жизни. И последние разы были из-за таблеток, которые поддерживали мое состояние. Я лежал, свесившись с постели и не мог остановить этот ужасный процесс. Не слышал, как и когда Юля успела вызвать скорую, но когда начал приходить в себя увидел, как она роется в моих вещах, собирая что-то.

– Что… ты делаешь?

– Ищу документы твои? Марин, мне страшно… – я увидел, как ее губы содрогнулись, она забралась ко мне в постель и крепко обняла, прижав меня к себе.

Я почувствовал ее тепло… запах ее тела и сирени вскружили голову. Мне оставалось прикрыть глаза и послушать, как бьется ее сердце. Оно колотилось от страха. Хотелось ее успокоить, сказать, что все будет хорошо, также как она говорила это пару минут назад, но открыл глаза и увидел серый потолок. Меня пошатнуло. Потом еще. Взгляд рассеивался, но я прекрасно понимал, что нахожусь в карете скорой помощи. Я пропустил момент, когда приехали врачи и когда согласился ехать. Или они забрали мое бессознательное тело? А если я вообще умер? Я поднял руку к лицу и ущипнул себя. Чувствую, значит жив. Только потом заметил доктора, сидящего рядом. Он смотрел на меня, как на идиота. Конечно, они не любили вызовы среди ночи, а я был против, но… Юля… где была она?

– … – я попытался что-то сказать, но горло сковало болью, а грудь разрывалась от жжения.

– Тихо, тихо, тихо… – взволнованно начал доктор, положив руку мне на плечо.

Я не мог терпеть эту боль, чувствовал, как по щекам текли горячие слезы, которые вырвались непроизвольно. Возможно, я умру не от рака. От этой мысли мне стало безумно смешно, но в голос смеяться я не мог. Все тело внезапно показалось мне ватным. Я закрыл глаза и прислушался к бо-

ли. Раз я когда-то провинился, значит это было моим наказанием. Я был непоседливым ребенком, мог натворить много плохого, но… расплата была намного хуже. В последнее время все в этом мире хотели меня скорее убить… Все, кроме одного человека. Все, кроме Юли.

Глава четвертая: Дилемма

– …перерыла, и так и не нашла твои документы. У тебя паспорт и документы на квартиру в одном месте, а медицинский полис совсем в другом! Ох, как же ты меня напугал… – Юля расхаживала по палате, размахивала руками и не замолкала уже минут сорок. – Повезло, что скорая быстро приехала! Кстати, я же забрала машину, сразу же полезла в телефон, а там столько пропущенных от папы. Приехала домой, оказалось, что он даже не заметил, что меня не было всю ночь. Потом оказалось, что названивал мне Эрик. Вернее, просто играл с телефоном. Ладно, я оставлю тебя ненадолго. А ты поспи. Доктор сказал, что тебе сначала следует отлежаться, а потом сдать целую кучу анализов.

У меня голоса не было, и казалось, что девчонка этим пользовалась.

– Нет, вот ты только глянь! – она присела на край больничной койки, на которой лежал я и показала мне лист, где что-то было написано, но я не стал всматриваться. – Анализ крови, рентгенограмма грудной клетки, пульсоксиметрия, анализ мокроты… компьютерная томография. Ужас какой-то… они решили деньги с тебя срубить или лечить? Не переживай, я со всеми разберусь, только узнаю, что это за… анализы такие. Ладно, все, я поехала, а ты выздоравливай скорее! У нас вообще-то куча планов!

Юля провела рукой по моей груди и улыбнулась, затем глубоко вздохнула и, забрав сумочку, вышла из палаты. Странно, что доктор вообще ее впустил ко мне. Да и то, что я заболел – тоже казалось мне странным. Слабый иммунитет у меня был в детстве, в школе, в университете, но как только начал работать окреп и болел редко. Значит, это все из-за моей смертельной болячки, которая никак не могла добить меня. А ведь теперь я не хотел умирать. Я решил бороться до конца. До самого конца.

Мне снова семь. Я бегу из школы, по хрустящему снегу, крепко держа старенький портфель, доставшийся мне от отца, в руках. Торопился рассказать бабушке о том, что в эти выходные весь класс, повезут в зоопарк. Я подбегал к подъезду, издалека заметил маму, еще удивился тому, что она так рано вернулась с работу, но все равно крикнул ей. Она обернулась, сначала одарила меня какой-то грустной улыбкой, затем нахмурилась и сделала пару шагов навстречу.

– Марин, ну сколько раз тебе говорила? – мама присела на корточки передо мной и принялась поправлять мое пальто.

– Мам…

– Весь нараспашку, где шарф?

– В портфеле.

– Почему он там, а не на шее? Ты заболеть хочешь?

– Мам, ну нет! Знаешь, что нам сегодня сказали?! –

не унимался я, на что мама лишь рассмеялась, поцеловала меня в щеку и, взяв за руку, повела домой.

Стоило мне переступить порог дома, как я услышал запах чего-то жареного. Пробежал от двери до кухни, не снимая ботинок и замер. Слышал, как мама сердито засопела и взглянул на нее.

– Ты только посмотри, что приготовила бабушка! – воскликнул я, указав пальцем в сторону кухни.

– Быстро раздевайся, мой руки и за стол. – Тихо рассмеялась бабушка, выглянув в коридор и удивилась, увидев маму. – Так рано?

Я слышал, как тяжело вздохнула мама и начала раздеваться. Шубка, шапка с шарфом и сапоги отправились на свои места, а мама в привычном темно-зеленом платье подошла ко мне, помогая раздеться. Я витал в облаках от приятных запахов, от мыслей о зоопарке и о том, что остаток дня проведу с мамой. Она поможет мне сделать уроки, почитает перед сном сказку и ляжет со мной спать.

– Беги, переодевайся, – сказала мама, погладив меня по волосам и поднялась, проходя на кухню.

Я не слышал, о чем они с бабушкой говорили, пока переодевался, но пройдя на кухню, увидел, как мама быстро вытерла слезы. Но ее красные глаза было не скрыть. Что-то случилось. Бабушка достала тарелки, поставила чайник на плиту и громко охнула, когда крышка кастрюли упала из ее рук.

– …не переживай, проживем как-нибудь. Раньше хуже

было. – Сказала бабушка, поставив передо мной тарелку с картофельным пюре и котлетой.

Настоящей, жареной котлетой. Я вдыхал запах жареного и наслаждался, взглянул на маму, которая была удивлена не меньше меня. Бабушка тихо посмеивалась.

– Мама, откуда? – спросила мама, глядя на бабушку, которая уже наливала теплый чай с сахаром.

Я взял в руки ложку (потому что вилку мне еще не доверяли, боялись, что выколю себе глаз) и отломил кусок от котлеты. Видел, как мама прищурилась и присмотрелась, а затем закатилась громким смехом. Бабушка подхватила, а я не понимал почему они смеются? Эта котлета была необыкновенно вкусной и такой ароматной, что я и не заметил, что она была далеко не из мяса. Бабушка была превосходным кулинаром, либо просто пыталась меня удивить. Но котлеты из геркулеса – совсем не отличались от настоящих. Хотя вкус настоящих я давно уже забыл.

– Как в школе дела? – вдруг спросила бабушка, и я вспомнил, что так и не рассказал ничего.

– Нас на выходных повезут в зоопарк! На зверей настоящих смотреть! – визжал я, прыгая по кухне так, что у соседей, наверное, потолок обвалился.

– В зоопарк? – удивилась мама, переглянувшись с бабушкой, после чего улыбнулась и раскрыла объятия.

Я не раздумывая обнял ее так крепко, что начал задыхаться.

Проснулся от кашля. Грудь разрывалась от боли. В горле все жгло. Я поднялся с койки. Почувствовал слабость и сильное головокружение, но мне нужно было привести себя в порядок, прежде чем вернуться домой. Я не любил больницы и этот мерзкий запах хлорки и других каких-то примесей, от которого подташнивало. Но стоило мне выйти из палаты, как я столкнулся с доктором. Он принялся что-то объяснять, потом отправил сдавать анализы, сказал, что все оплачено… только это меня и ввело в некий ступор. Я чувствовал себя альфонсом и скорее всего так же считал этот доктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.